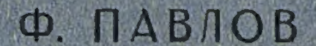
Ф. ПАВЛОВ

ЧУВАШИ

И ИХ ПЕСЕННОЕ И МУЗЫКАЛЬНОЕ

ТВОРЧЕСТВО

МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ОБ-ВО ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОГО КРАЯ

ЧЕБОКСАРЫ—1927

Ф. ПАВЛОВ

ЧУВАШИ И ИХ ПЕСЕННОЕ И МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОГО КРАЯ

ЧЕБОКСАРЫ—1926

Типография
„Чувашская Книга“
Чебоксары, Б. Советская, 6.

Чувашлит № 934 Напеч. 1.500 экз.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Песенное и музыкальное творчество чуваш до сих пор не только мало изучено, но и зарегистрировано далеко не полностью.

Обзор проведенных в этом направлении работ, сделанный Ф. П. Павловым, совершенно отчетливо свидетельствует о том, какие значительные перспективы стоят еще перед исследователями музыкального творчества чуваш, могущие дать новые источники по изучению чувашской культуры. Настоящая работа Ф. П. Павлова посвящена опыту установления основ чувашской музыки и песни.

Автор, будучи чувашином по происхождению, кроме того, будучи чувашским музыкантом и композитором и вообще знатоком музыки, имеет, конечно, все основания для того, чтобы выступить в печати с теми наблюдениями, которые ему пришлось сделать над народной чувашской песней и музыкой.

Но автор расширяет свою задачу: он не только знакомит читателя со своими личными наблюдениями, но изучает и то, что сделано в этой области до него. Такой исторический аспект придает работе автора больший интерес.

Не будучи специалистом, я, разумеется, не решаюсь защищать те или иные положеиия автора. Возможно, что самый метод работы не вполне выдержан. Но это понимает сам автор, считая свою работу одним из опытов,

Мне хотелось отметить другое. Чувашская народная песня не ждет исследователя. Во многих деревнях старинная песня уже замолкла, забыта. Во многих случаях песня пропитывается новым колоритом, который часто по духу своему чужд типически чувашской психике. Смена быта приносит утерю многих народных чувашских песен.

Надо спешить с изучением этой песни. И если автор несколько расширил свои задачи и изучает вопрос на фоне общих этнографических и исторических особенностей своего народа,—то в этом оказывается горячее стремление не оставить народную песню изолированной, т. к., будучи изолирована от обстановки, она звучит менее убедительно и менее колоритно

Стремление, разумеется,—совершенно законное.

Основной материал Ф. П. Павлова является интересным и безусловно нужным. В дальнейших исследованиях он в отдельных случаях будет углублен, а этнографическая научная критика укажет и те пути, по которым автор должен итти в своих дальнейших исследованиях.

Последнего автор сам желает, и это свидетельствует об его стремлении дать для науки не только значительный, но и строго научный материал.

В заключение хочется пожелать, чтобы автор при содействии и руководстве специалистов достиг своей желанной цели.

Профессор В. СМОЛИН.

31-го марта 1926 года.

ОТ АВТОРА.

Составление настоящей работы диктовалось желанием собрать в одной книге различные статьи, заметки, отдельные очерки, написанные в разное время, и проверить те выводы, которые должны из них следовать. В книгу попали: 1) разные заметки, занесенные в записные книжки и тетради; 2) заметки и статьи, напечатанные в разных органах чувашской печати и 3) доклады, рефераты, лекции, прочитанные в разных кружках: в Чебоксарском педтехникуме, в Чувашском рабфаке, в Обществе Изучения Чувашского Края и на некоторых с'ездах чувашских работников: просвещения, искусств, печати, литературы и проч.. Само собой разумеется, что соединение в одной книге разных статей, написанных в разное время и на разные темы, потребовало значительной переработки. Многие главы написаны совершенно заново. Однако, эта некоторая пестрота подбора статей не мешает им уложиться в общую линию той идеи, которая проходит через всю книгу и об'единяет разнородный материал одним внутренним единством.

Почти все статьи, за исключением новых, первоначально были написаны на чувашском языке. На этом основании, предлагаемые очерки с полным правом можно назвать переводом с чувашского. Необходимо отметить, что переводческая форма изложения несколько стесняла в работе, мешая живому течению мыслей, заставляя местами жертвовать литературностью изложения для того, чтобы ближе придерживаться чувашского подлинника. Может задаваться вопрос: почему автор принял на себя труд перевода очерков на русский язык? Не лучше ли было бы разработать их на чувашском языке? Автор имел в виду желание поделиться своими материалами с более обширным кругом читателей, в том числе, с фольклористами, не знающими чувашского языка, но, тем не менее, интересующимися чувашским фольклором.

Настоящее сочинение состоит из 10-ти очерков.

Первый очерк содержит обзор этнографической литературы о песенном и музыкальном творчестве чуваш, а также и обзор сборников чувашских песен.

Второй очерк содержит краткий исторический обзор о чувашах. В очерке затронуты гунский, булгарский и собственно чувашский периоды.

В третьем очерке даются краткие сведения о физическом типе чуваш и характеристика их духовно-нравственного мира, вообще, и развития у них музыкального слуха, в частности, по данным этнографической литературы о чувашах.

В четвертом очерке рассматривается быт в главнейших его проявлениях, тесно связанных с пением, музыкой, танцами, общественными играми, массовыми праздниками и различными обрядами в чувашской жизни как в прошлом, так и в настоящее время.

В пятом, самом обширном из очерков, рассматриваются чувашские народные песни по их видам, содержанию и дается характеристика их с художественно-эстетической точки зрения.

Пятым очерком заканчивается первая часть сочинения.

В шестом очерке, относящемся к второй части, дается опыт исследования стихосложения чувашской народной песни, при чем отдельно рассматривается метрика и ритмика народного стиха, его эвфония и строфика.

Седьмой очерк представляет из себя также опыт исследования ритма, но ритма чисто музыкального, песенного. Здесь рассматривается музыкальный ритм чувашской народной песни, ритм чувашского танцевального мотива, ритм самого танца, рассматриваются также такты, их размеры, дробление и различные виды ритма (фасоны).

Восьмой очерк, не менее обширный, чем пятый, посвящен исследованию мелодического строения чувашской народной песни и танцевальной музыки. Рассматриваются древнейшие звукоряды, пятитонные гаммы и позднейшая конструкция чувашской гаммы, модуляция, строй и зачатки инструментальной гармонизации в танцевальной музыке (гусли).

В девятом очерке рассматриваются музыкальные инструменты чуваш в связи с историческим происхождением

инструментов и отношением их к музыкальным орудиям других народов.

В десятом (последнем) очерке особым вопросом выдвинуты проблемы о происхождении, характере и развитии чувашской музыки, об отношении чувашской музыки к китайскому мелосу, об общетюрском монизме в чувашском мелосе и позднейших влияниях на чувашскую музыку со стороны русской и европейской музыкальной стихии.

Из очерков выделены некоторые вопросы частного характера, которые рассматриваются в приложениях к очеркам. Как приложение же, особым сборником будут изданы чувашские народные песни, собранные и записанные автором в разное время и послужившие материалом для составления настоящих очерков.

Ф. ПАВЛОВ.

Г. Чебоксары,
22-го апреля 1923 года.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ.

(Вступительный).

Краткий обзор источников и литературы.

Если кто нибудь из интересующихся пожелал бы заняться изучением чувашской музыкальной этнографии, то тот рано или поздно пришел бы к убеждению, что его работа, по крайней мере, на первых порах значительно затрудняется отсутствием специальной исследовательской литературы. В изданиях и архивах русских ученых обществ почти нет ни одной книги о чувашской музыке. Мы говорим: «почти нет»—потому что, если и есть что нибудь, то едва ли это «что нибудь» можно считать за удовлетворительный материал, вполне достаточный для фольклориста, интересующегося вопросами чувашской музыкальной этнографии. В виде исключения, можно привести названия только немногих трудов. Впрочем, и эти немногие труды относятся к числу сочинений общеэтнографического характера. Вполне естественно, в них не содержится подробной трактовки вопросов чувашской музыки, но, впрочем, в них нередко имеются мимоходом высказанные замечания о музыке чуваш, также нередко—небольшие характеристики чувашских песен по их видам. Хотя и это—шаг вперед, но все же нам приходится констатировать, что научно-исследовательская литература о песенно-музыкальном творчестве чуваш очень скудна, она находится только в зачаточном состоянии. Автор, начинающий свою работу в этой области, рискует оказаться в положении одинокого путника в голой пустыне, где нет ни пути ни следов, где только без конца простирается неведомая страна—terra incognita науки.

При таком положении дела, для данного случая вовсе не безразличен тот несомненный факт, что на долю первых исследователей, как это случается, падает неблагодарная

участь проделать черновую, подготовительную работу. Автор не без некоторой тревоги смотрит на свое начинание. Он видит и сознает те трудности, которые стоят перед ним. Все, что относится к исторической части настоящей работы или к этнографической стороне ее, еще не представляет слишком трудной задачи. Здесь на лицо имеется довольно богатый готовый материал. Многие вопросы значительно проработаны, хорошо и достаточно освещены, так что в них можно ориентироваться без особенного риска впасть в грубую ошибку. Хотя некоторые из этих вопросов, в свою очередь, тоже нуждаются в пересмотре, но в настоящем специальном сочинении нет возможности заняться основательным разбором их, ибо это другая тема, которая для данного случая не составляет предмета исследований. Поэтому автору пусть не ставится в вину то, что он в соответствующих местах достаточно широко пользуется историко-этнографическими исследованиями других авторов. Но все, что относится к музыкальной стороне дела, автором проделано самостоятельно. Равным образом, для своих фольклорных очерков автор не имел перед собою особенно много примеров. Вследствие этого, в работе могут быть ошибки, подчас и грубые. Но автор находит удовлетворение в сознании, что последующие исследователи уже не допустят их. Поэтому он заранее готов с благодарностью принять указания компетентной критики.

Приступая к обзору главнейших сочинений и сборников по вопросу о чувашском песенном и музыкальном творчестве, нужно иметь в виду, что недостаток места не позволяет дать библиографию всей литературы о чувашах. Это в нашу задачу и не входит. Здесь достаточно будет указать только на те книги, в которых хоть что нибудь можно найти о чувашской музыке,—хотя бы несколько куплетов чувашских песен или только упоминание о чувашском музыкальном быте. Понятно, мы можем ознакомить читателей только с теми книгами, которые нам самим известны. Поэтому наш библиографический обзор нисколько не претендует на полноту. Однако, для интересующихся мы даем более полный и подробный библиографический указатель, который относим к концу настоящей книги в виде особого приложения*).

*) См. Приложение 1-е: библиографический указатель.

Здесь же мы имеем в виду остановиться лишь на трудах Миллера, Фукс, С. Михайлова, Сбоева, Риттиха, Ашмарина, Мошкова. Комиссарова, Никольского и на сборниках И. Яковлева, Пазухина, С. Максимова и др. в виду того особенного значения, которое заняли эти работы в литературе по вопросам этнографии чуваш. Для удобства чтения наш обзор располагается в хронологическом порядке по эпохам. Вполне естественно задаваться вопросами такого рода: что дала этнографическая литература XVIII века в той области, которая нас больше всего интересует? Какое литературное наследство оставил XIX век? Какой конкретный песенно-этнографический музыкальный материал накопился до наших дней? Подобные вопросы невольно возникают перед начинающим заниматься чувашской музыкальной этнографией. Для обзора избран принцип хронологической классификации по эпохам. Правда, принцип этот до некоторой степени искусственен, но он принят в науке, особенно в дисциплинах исторического порядка.

Глава 1-я. XVIII и XIX в.в.

Огромно значение того литературного наследства о чувашах, которое мы имеем в лице русской этнографической науки. Однако, нельзя в то же время не признать, что в русской этнографической литературе, касающейся чуваш, есть и недостатки. Они, главным образом, сводятся к тому, что сведения, сообщаемые о чувашах, часто не точны и не соответствуют реальной действительности. Для конца XVIII века в этом смысле весьма характерным является сочинение.

Г. Ф. Миллера: «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов». О книге Миллера в свое время Сбоев дал следующий отзыв. «Г. Ф. Миллер—известный историограф», говорит Сбоев.—«Возвращаясь в 1843 г. из ученого путешествия по Сибири, он на некоторое время остановился в Казани, собрал несколько сведений о здешних инородцах и составил свое сочинение... В этой книге, говоря строго, мы немногое должны признать принадлежащим Миллеру. Он без разбора вносил в нее все, что слышал от толмачей, данных ему из местной губернской канцелярии. Результатов личных наблюдений автора здесь почти не видно. По крайней мере,

сведения о чувашах он заимствовал исключительно из рассказов толмачей. Миллер сам признавался, что ни в одной чувашской деревне он не был. И не странно ли»,—продолжает Сбоев,—«что собранные таким образом сведения, естественно не полные и во многих отношениях не верные, у нас долгое время пользовались вовсе незаслуженной честью неоспоримого авторитета и что позднейшие писатели очень часто целиком повторяли слова Миллера, хотя для того, чтобы видеть их несправедливость, нужны были не особенная проницательность, не особенное остроумие, не особенная наблюдательность, а просто здоровые чувства зрения и слуха». Таково мнение Сбоева о научных достоинствах сочинения Миллера. В настоящее время не требуется особого подтверждения приведенной критики, чтобы убедиться в ее справедливости.

Что касается чувашской музыки, то о ней Миллер не дает и понятия. Пляску чувашскую он называет беспорядочною. «Их игры и пляска на свадьбах и при прочих увеселениях состоят в том»,—пишит он,—«что старшие и знатнейшие из гостей сидят по лавкам, или на столе*), и забавляются питьем, а молодые мужчины и женского полу на полу, при игре на разных инструментах, без всякого порядка кругом скачут и, пляшучи, бьют в ладоши». Из музыкальных инструментов, употребляемых чувашами, перечисляет: гусли, волынку и варган. Понятно, сочинения, подобные Миллерову, в настоящее время особенной научной ценности не представляют.

* * *

Вплоть до сороковых годов XIX века мы не имеем сочинений, в которых можно было бы найти хотя бы краткое упоминание о музыке чуваш. Но зато в 1840 году появилось сразу целое исследование о чувашах, принадлежащее перу казанской поэтессы А. А. Фукс, в котором автор затрагивает, хотя и поверхностно, вопросы о песенном творчестве чуваш. Начиная с этого времени, отдельные ученые, литераторы, журналисты, общественные деятели—все больше и больше начинают интересоваться чувашским миром.

*) Сидеть на столе во время пира или в гостях было бы неслыханным оскорблением для хозяина дома. Ф. П.

Пробудившийся научный интерес охватывает самые разнообразные вопросы чувашской этнографии. В том числе не на последнем месте стоят и вопросы о музыкальном и песенном творчестве чуваш. Наибольший интерес к чувашской музыке и песне проявляется в 90-х годах. Эти годы характерны появлением специальных монографий, посвященных исследованию чувашской песни (Н. И. Ашмарин), чувашской музыки (В. А. Мошков), чувашского национального танца (И. Н. Юркин) и др. Об'ясняется это обстоятельство отчасти тем, что в крае появились школы и средние учебные заведения, куда принимались чуваши, так что через них культурный мир невольно знакомился как с самими чувашами, так и с духовным их творчеством. К концу XIX века относится расцвет Симбирской чувашской школы, которая выпустила целое поколение чувашских народных учителей. Питомцы этой школы, воспринимавшие стремление к просвещению чуваш на почве их родного языка и культуры, в своей практической деятельности не могли пройти мимо тех вопросов, которые были связаны с задачами изучения своего родного народа и его быта. Многие из них тщательно изучали историю народа, его быт, культурно-экономические условия, религиозные верования и пр. Особенное внимание было обращено на изучение языка чуваш и на собирание памятников народного творчества: песен, сказок, загадок, преданий и проч. К концу XIX века мы видим уже ставших известными, в тесных научных кругах, собирателей, вышедших из среды самого чувашского народа. К таковым относятся— Н. В. Никольский, знаток чувашской истории и этнографии; И. Н. Юркин, ныне известный в чувашском мире писатель напечатавший ряд статей на русском языке по этнографии чуваш в различных научных органах. Остановимся на некоторых сочинениях, которые интересны для нас или собранными материалами или оригинальными взглядами.

1. А. А. Фукс. «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии». О книге Фукс тот же Сбоев дал следующий отзыв. «Заметки А. А. Фукс ввели в ошибку многих ученых, на слово поверивших ей. Вот почему я считаю нужным заметить, что напрасно мы стали бы искать у нее сведения, которые могли бы привести исследователя к серьезным, важным выводам. Описать костюм чувашский, потолковать

с апайкою о разных житейских мелочах, рассказать, как чуваши принимают и потчуют своих гостей,—это г-жа Фукс, пожалуй, исполнит ловко, грациозно и даже верно, если только известная по заволжью поэтическая муза ея не подбросит ей под перо красного словечка. А красные словеса у г-жи Фукс ни почем. Но как скоро она начинает говорить о чем либо серьезном, то сейчас же обнаруживается, что это не ее сфера. Например, г-жа Фукс говорит: «песни чуваш спрятаны в их воображении: когда они едут лесом, то поют, не приготовясь, песнь лесу; плывут по реке—и поют похвалу ей; едут по дороге—и воспевают ее, и все случившиеся на ней были и небылицы» (стр. 82). «Это сказано прекрасно»—продолжает Сбоев,—«чуваши точно весьма часто импровизируют свои песни, но не менее справедливо и то, что у них есть песни, переходящие из одного поколения к другому, да и сама г-жа Фукс приводит и прекрасно переводит две из них, известные всему чувашскому миру».

Мнение Сбоева не лишено оснований. Все же в оценке книги Фукс у Сбоева не можем не видеть некоторой иронии. Это уже говорит о том, что автор не был беспристрастным критиком. Если Фукс умела верно описать чувашский костюм, если она умела подойти настолько близко к чувашской женщине, что могла распросить ее о разных житейских мелочах, и если успела настолько близко изучить повседневный быт чувашина, что умела рассказать о том, как чуваши «принимают и потчуют своих гостей»,—то это несомненно свидетельствует о некоторых положительных сторонах ее исследовательской работы, потому что тут уже видно личное наблюдение автора над жизнью и бытом описываемой среды. Трудность своей работы по исследованию чуваш, очевидно, сознавала и сама Фукс. Это видно из следующих слов, оброненных ею на первой же странице «Записок»: «Я воображаю, что мое описание чуваш будет очень жалкое, но я решилась, дала себе обещание и исполню его с удовольствием». Не вся книга целиком принадлежит перу автора. Часть книги заключает работу ее мужа—К. Ф. Фукс, который дает научные раз‘яснения и дополнения к «Запискам». Интересны народные стихи, приписываемые некоему чувашскому поэту Феде, которые будто-бы переслал автору «Записок»

какой-то Д. Označбишин. У Фукс так же, как и у Миллера, мы немного найдем что либо особенно полезного для музыкальной этнографии. Но произведения указанных авторов пользуются известностью и характерны для своего времени, поэтому мы и нашли необходимым остановиться на них.

2. Гораздо большего внимания заслуживают статьи **С. М. Михайлова**, помещенные в «**Казанских Губернских Ведомостях**» за 1852—53 г. г. Спиридон Михайлов—первый писатель-этнограф из чуваш. Его статьи отдельными оттисками не напечатаны, поэтому следует остановиться на них подробнее. Наибольшего внимания заслуживает статья этого автора под заглавием: «О музыке чуваш»*). В ней говорится о чувашских музыкантах, о музыкальных инструментах чуваш, попутно затрагиваются и вопросы кардинального значения, как, например, вопрос о том, от какого народа переняли чуваши общераспространенный и любимый свой музыкальный инструмент—гусли.

Автор верно изображает быт «пузырников». Пузырник у чуваш—волшебник. «Думают чуваши, по своему суеверию», говорит Михайлов,—«что пузырник может околдовать и привораживать силою своего «пузыря»**) сердца красавиц. Если случится пузырнику бурлачить, то он и «музыку» свою берет с собой. Когда бежит судно парусом мимо отеческих пределов музыканта, то он непременно начинает играть на пузыре. Для этого он взлезет на мачту и там продолжает утешаться и выражать грусть по родине, пока не минует свою родину. Он при том думает, что с крутых берегов Волги слушают его игру любезные ему девицы, что самое действительно случалось замечать. Чувашские красотки, стоя на высоких горных берегах Волги, провожают ненасытными взорами своего Орфея, с тоскою воображая себе, что он к ним больше не вернется, что будет поглощен волнами матушки-Волги, сожалеют, что он беден, потому что нанялся на такую тяжелую работу—пошел в бурлаки. Проводивши взором любезного своего музыканта, они рассказывают дома подругам своим, что пузырник такой-то пролетел по Волге на парусах и играл на мачте в пузырь жалобно. Вероятно, он не воротится к свадьбе».

*) Эта статья издана, впрочем, и отдельной брошюрой.
**) Пузырь—особый музыкальный инструмент.

Интересно отметить отношение пузырников друг к другу. «Когда на свадьбе случится два или три музыканта, то они стараются победить друг друга своей игрой и заслужить уважение общества. Для этого они не жалеют свою силу, весь свой дух напрягают в пузырь. Часто случается, что у иного музыканта открывается кровотечение из носу и рта. Наконец, истощив последние силы, он падает замертво. Победитель торжествует. Чуваши верят, что он победил чародейством пузыря. Победителя одаривают холстиком через плечо и угощают так, что и он, довольно набравшись хмелю, замертво падает. В таких случаях свадьбу доканчивает третий пузырник. Одуревшие пузырники, проспавшись, не затевают между собою ссору». Подобное состязание у музыкантов среди чуваш и в настоящее время не редкость.

С. Михайлов описывает устройство пузыря и рассказывает о том, как пузырь постепенно исчезает у чуваш и заменяется другими музыкальными инструментами. «К пузырникам прибегают только на свадьбах и на других праздниках, когда требуется шумная музыка. Чуваши больше любят тихозвучную музыку—гусли». По мнению автора, чуваши на гуслях играют с значительной виртуозностью. «На гуслях играют и девицы. Кроме гуслей, у чуваш любимым инструментом служит скрипка».

Таковы наиболее характерные места в статье Михайлова. В ней встречаются, однако, и неправильные взгляды. Например, автор склонен думать, что чуваши переняли гусли через русских от немцев. Мнение это едва ли может считаться правильным. В общем, статья Михайлова очень оригинальна и читается с большим интересом.

3. **«Заметки о чувашах» В. А. Сбоева** составлены в форме писем к редактору «Казанских Губернских Ведомостей». Всего четырнадцать писем. Судя по ним, автор хорошо знал условия жизни и быт современных ему чуваш.

«Чуваши—мои старые знакомцы», признается Сбоев в начале первого своего письма.—«Назад тому лет 25, я имел и случай и обязанность изучать их язык и быт. Прожить четверть столетия—не поле перейти. Много воды утекло с тех пор. Многие из моих сведений о чувашах успели ускользнуть из моей памяти. Во многом чуваши сами могли перемениться. Вот почему особенно приятно теперь возобновить

мне знакомство с ними, прислушиваться к их языку, вникнуть в их настоящий быт, вспомнить прежнее, былое и сравнить его с теперешним состоянием этого народа. Может быть, заметки, наблюдения и сличения мои не вовсе будут лишены интереса... Я выписываю их из моего дорожного журнала, где впечатления, быстро схваченные, так же быстро и записывались, и где не поместились только мои воспоминания, им же несть конца»...

Повидимому, автор опасался впасть в неверное описание. Поэтому в конце второго письма признается, что в своих «Заметках» он нашел «много дельного, но еще больше неверного, неточного, неполного, ложного». Однако, в чем заключаются подобные дефекты, автор не указал. Что же касается его описания музыкального быта чуваш, то это описание более или менее правдиво. «Заметки» представляют для нас ценную книгу еще потому, что в конце их автор поместил несколько чувашских песен и снабдил их хорошим переводом. Сбоев признается, что он составил даже порядочную коллекцию чувашских народных песен. К сожалению, он не приложил к своим письмам всю «коллекцию», ограничившись несколькими образцами, подразделив их на любовные, элегические, обрядовые и сатирические песни.

4. А. Ф. Риттих. «Материалы для этнографии России. Казанская губерния.» Риттиха следует отнести к числу довольно серьезных и добросовестных исследователей, несмотря на то, что в свое время «Отечественные Записки» дали об его книге не совсем благожелательный отзыв.

В предисловии к своей книге Риттих говорит: «Наблюдению и знакомству с этими племенами (татарами, чувашами, черемисами) помогла особенность моей службы. Так во время рекрутских наборов в Казани и Саратове я имел случай изучать физическое сложение описанных племен. Служебные и частные поездки по Казанской губернии дали мне некоторое понятие об их быте и жизни. Постоянные сношения с инородцами солдатами в батальонах и полках способствовали не мало подметить характеристические черты разных национальностей. Разговоры и расспросы о нраве и наклонностях, при постоянном сравнении тех и других выводов, убедили в справедливости установившихся понятий». Как видно отсюда, исследование Риттиха основано на собственных и продолжи-

тельных наблюдениях, а не на одних только расспросах от чужих лиц, как это мы видим у Миллера. Выводы в книге Риттиха сделаны с осторожностью.

Несмотря на то, что многие места книги Риттиха в настоящее время следует считать устаревшими, она заслуживает большого внимания. В книге есть очень ценные заметки о чувашских поминальных попойках, о посиделках, о любимых развлечениях и играх чуваш, о музыкальных инструментах, о пузырниках, о музыкальных способностях чуваш, о песнях и свадебных обычаях и обрядах. По мнению Риттиха, чуваши обладают большими музыкальными способностями. «Чувашские мотивы свидетельствуют о наклонности чуваш к музыке», говорит Риттих. «Церковное пение в некоторых чувашских приходах идет очень успешно и по справедливости им могут гордиться те лица, которые занимаются этим делом столь добросовестно». В наше время едвали кто стал-бы гордиться добросовестными занятиями по обучению чуваш церковному пению в приходах, но мы высказанное замечание Риттиха считаем ценным в другом отношении, подходя к данному вопросу с точки зрения музыканта-этнографа.

Риттих опубликовал 4 мелодии чувашских песен. О правильности и точности записи в настоящее время судить не представляется возможным.

5. «Материалы к об'яснению старой чувашской веры» В. К. Магнитского. В предисловии к своей книге Магнитский говорит, что «материалы» его собраны были им частью путем непосредственных расспросов от чуваш и других лиц в восточной половине Чебоксарского уезда, частью—извлечены из рукописей, составленных для него некоторыми учителями чувашами. Переводы и об'яснения слов сделаны при помощи посторонних, так как сам автор по чувашски не знал. Для нас этот труд важен в том отношении, что здесь встречаются описания таких обрядов из чувашского быта, куда входит, как непременный элемент, музыка. Кроме того, в книге масса примеров чувашских песен, которых в настоящее время едва ли возможно найти где нибудь, так как они забыты вместе с исчезнувшими обрядами, вследствие изменившихся условий жизни. Например, Магнитский описывает совершаемый чувашами при похоронах

такой обряд, который в настоящее время чувашами не соблюдается.

«Вынося покойника из избы для проводов на кладбище, в д. Ишалькиной, Чистопольского уезда, заставляют его три раза пнуть ногой о косяк двери, в знак того, что ему в этом доме нет уже дела. На кладбище покойника всегда везут на санях или телеге; при чем, правящий лошадью садится поверх гроба. Перед выездом со двора к покойнику подходит какой нибудь старик или старуха и начинает петь песню:

«Летит вереница диких гусей. Голоса их слышим, а голоса твоего больше не услышим».

В деревне Масловой, Чебоксарского уезда, эта песня поется еще до выноса покойника из избы. Вот эта песня:

Кукку килет сассипе,	Кукушка прилетает с голосом,
Ес сассупа килес çук.	Тебе с голосом не прийти.
Шăпђăк килет йуррипе,	Соловей прилетает с песней,
Ес йурласа килес çук.	Тебе распеваючи не прийти.
Ђĕкеç килет ђĕлхипе,	Ласточка прилетает с разговором,
Ес ђĕлхўпе килес çук.	Тебе с разговором не прийти.
Шурăм-пуç килет шуралса,	Заря всходит белеючи,
Ес шуралса килес çук.	Тебе белеючи не прийти*).
Хĕвел тухаť хĕрелсе,	Солнце всходит зарумянясь,
Ес хĕрелсе тухас çук.	А тебе уж не выходить разрумянясь.
Шывсем йухаť шавласа,	Воды текут с шумом,
Ес шавласа килес çук.	Тебе с шумом не прийти.

Приведенная песня уже забыта, так как исчез самый обряд языческого погребения у чуваш. Нельзя не признать, что содержание песни чрезвычайно поэтически передает настроение, чувства и мысли людей при последнем расставании с любимым человеком. Песня эта имела, безусловно, огромное бытовое значение, облегчая людям их страдания после потери близкого человека.

Нельзя не упомянуть еще о другой песне, сохранившейся в книге Магнитского. «Сложена она, по народным сказаниям, одной чувашской девушкой, выданной братьями замуж против ее согласия за одного черемисина. Спела она эту

*) Т. е., ты почернел теперь, тебе непобелеть.

песню, сидя на берегу Волги, и, как только кончила петь, бросилась с лодки в воду и утонула». Ее последними словами были:

Ах, аттеçём, аннеçём,	Ах, батюшка, матушка,
Ах, пиҫҫеçём, инкеçём!	Ах, братец, ах, невестушка!
Есёр мана курас çук,	Вы меня больше не увидите,
Епё те сире курас çук.	И я вас больше не увижу.
Манăн пуçри нухратсем	Мои головные нухратушки
Атăл тёпне сарăлтăр,	По дну Волги пусть рассыпятся,
Манăн умри кёмёл тенкё	Мои нагрудные серебрянные рублевики
Атăл тёпне çутаттăр...	На дне Волги пусть светятся...

Несчастная девушка не пожелала даже переплыть с женихом через Волгу, зная, что быть на той стороне Волги—значит оказаться во власти мужа и быть его женой... Подобный случай для современного момента не характерен. Упомянутая песня имеет для нас лишь исторический интерес.

У Магнитского песенными примерами пересыпано и описание зимнего чувашского пира и описание чувашского улаха. К описанию улаха приложены шесть песен, но, по содержанию, эти песни ничуть не посиделочные, а частью хороводные, частью—свадебные.

6. А. Охотников. «Записки чувашина о своем воспитании». Книга эта читается с большим интересом. В ней много какой то недосказанной, своеобразной грусти, которая пленяет интерес, и, в свою очередь, передает задумчивое настроение Об этой книге здесь не придется много говорить. В свое время в достаточной мере воспользуемся ее содержанием. Пока следует отметить только, что это сочинение, как написанное чувашином, во-первых, верно изображает народный быт с внешней стороны; во-вторых, глубоко освещает картину психологических сумерек этого быта. Книга написана изящным языком. Охотников, хотя и назвал свое сочинение «Записками о своем воспитании», тем не менее, мы не знаем подлинной биографии самого автора. То, что рассказано в «Записках», недостаточно для желающего ближе изучить биографию автора*).

*) Уже после того, как эти строки были написаны, мы узнали, что А. Охотников был когда-то учеником В. И. Ульянова-Ленина. (В. Алексеев.

7. Н. И. Ашмарин. «Очерк народной поэзии у чуваш». Для характеристики этой, сравнительно, небольшой монографии, написанной ученым тюркологом-чувашеведом, приведем слова самого автора сочинения.

«Сказать, что у чуваш есть народная поэзия», говорит Н. И. Ашмарин,—«показалось бы крайне странным и даже удивительным в то недавнее, сравнительно, время, когда дикие взгляды на инородцев и баснословные рассказы об их дарованиях, жизни и привычках, господствовали в умах большей части тех, считавших себя интеллигентными, людей; которым случалось иметь с чувашами то или другое соприкосновение. Уже в 70-х годах приходилось покойному Золотницкому доказывать этим господам, хотя и безуспешно, такую, например, истину, что чувашский язык не составляет какого то странного жаргона, без логических оснований, без установившейся грамматики, которым каждый может распоряжаться по собственному произволу. Но времена идут, миновала и эта пора. Начинают появляться лица, которые с любознательностью собирают произведения творческой мысли этих, еще недавно затерянных, племен, находя в них много оригинального, симпатичного и прекрасного, а также ценный материал для этнографической науки и народной психологии, которая с замечательной точностью отражается в безыскуственной поэзии народа, ясно отпечатлевающей все феномены его духовной жизни».

Таким вступлением начинает автор свой очерк о поэзии чуваш. В очерке встречается общая характеристика чувашской песни, сравнение ее с русской песней, распределение песен по циклам чувашских праздников, об‘яснение чувашского песенного стихосложения, описание отношений между родственниками у чуваш по народным песням и проч.

8. В. А. Мошков. «Музыка чувашских песен». В. А. Мошков записывал чувашские песни и их напевы от чуваш—нижних чинов в войсках Варшавского военного округа. Труд этого исследователя заслуживает особенного внимания. Обладая музыкальной эрудицией, Мошков сделал несколько весьма

и А. Швер. «Семья Ульяновых в Симбирске в 1869-1888 г. г.», Ленинград, 1925). То же самое рассказывает сестра В. И. Ленина—А. И. Ульянова. «В. И. Ульянов (Н. Ленин)», Москва, 1925 г.

ценных теоретических выводов из своих наблюдений над чувашскими напевами. К сожалению, он не имел возможности записать чувашские песни в достаточном количестве для того, чтобы ознакомиться со всеми особенностями, встречающимися в чувашской музыке. В этом признается отчасти и сам автор. Он утверждает, что данные его анализа выведены из малого числа наблюдений, и потому большого значения им придавать не следует. Эту мысль автор выражает еще так: «Само собой разумеется, что изданием моих материалов я не исчерпал и тысячной доли того, что заключает в себе поучительного для науки музыка чуваш, а потому я смотрю на свой труд только, как на почин в деле изучения чувашской музыки».

Труд Мошкова страдает некоторыми недостатками, неизбежными для него, как человека, незнакомого с чувашским языком и духом чувашской поэзии. Это обстоятельство было ясно и для самого Мошкова. Заканчивая свою работу, он выражает пожелание видеть в печати ряд новых трудов о чувашской музыке, написанных людьми, более компетентными в знании чувашской жизни, чувашского языка и вообще национального быта чуваш. Теперь несколько замечаний по поводу записей мелодий. Нас интересует вопрос: насколько правильны записи Мошкова, чтобы поверить ему, как собирателю, и чтобы записанные им мелодии считать за самые подлинные напевы? По ознакомлении с записями Мошкова, остается впечатление, что собиратель старался быть фонографически точным. Тем не менее, нельзя во всем на слово поверить Мошкову, потому что он принял условную систему для записывания чувашских мелодий. Сам Мошков об'ясняет это обстоятельство таким образом.

«В деле ритмики чувашских мелодий», говорит он,— «необходимо обратить внимание на часто встречающееся в них дробление темпа на три части в отличие от русских народных песен, где преобладает дробление темпа на четное число, на две и на четыре части. В этом отношении, чуваши приближаются к татарам, киргизам, сартам и другим народностям тюрко-татарской рассы. Аччиакатуры, которые часто встречаются в моих записях чувашских мелодий, собственно говоря, должны бы быть изображены триолями, в которых слиты две последние доли. Если же я предпочел писать их

знаком аччиакатуры, то только потому, что принятое в нашей музыкальной системе обозначение триоли всегда предполагает ударение на первой, короткой доле, тогда как у чуваш это ударение падает всегда на две последние доли, слитые вместе».

По наблюдениям Мошкова, в чувашских песнях попадаются триоли с соединенными двумя последними долями (а-аа). В них музыкальное ударение ложится на слитые вместе последние доли. По теории музыки, как думает Мошков, ударение должно падать не на них, а на первую ноту. Чтобы устранить подобное разногласие, Мошков придумал для обозначения чувашских триолей условную систему. Он заменил первую долю триолей аччиакатурою, которая сама по себе не имеет ударения. Отсюда, ударение естественно переходило на последние, соединенные доли.

Едва ли удобно пользоваться аччиакатурами взамен первой доли триолета. Во-первых, с практической стороны. В мелодиях чувашских песен может встречаться, что и бывает, одинарный или короткий форшлаг, который в музыкальном письме обозначается также, как и аччиакатура, но музыкальное исполнение его несколько иное. Аччиакатура исполняется за счет последующих нот, почему Мошков и принял ее для употребления в своей системе, а короткий форшлаг—за счет предыдущих нот или вообше за счет предыдущего времени. В современной музыке аччиакатуры почти не употребляются, поэтому при исполнении не всякий сможет отличить их от короткого форшлага. Во-вторых, с теоретической стороны. Мошков неправильно об'ясняет природу триольного ритма. Он говорит: «принятое в нашей музыкальной системе обозначение триолей, когда две последние доли соединены вместе, всегда предполагает ударение на первой, короткой доле, тогда как у чуваш это ударение ложится всегда на две последние доли, слитые вместе».

Это глубоко не верно. В деле ритмики играют роль не только последовательное расположение ноты на сильной или слабой части такта, но и высота ее и длительность. Этому вопросу уделяется подробное об'яснение в нашем седьмом очерке, при исследовании ритмики чувашской музыки. Здесь же достаточно будет сказать следующее. Во-первых,

в триольных группах с соединенными двумя последними нотами (а-аа) ударение всегда падает на первую долю, если эта первая доля имеет более высокую ноту, чем две последующие соединенные доли. Во-вторых, это ударение всегда переносится на последующие слитые доли: а) если нота первой доли более нисская, чем у последующих соединенных долей, или б) если она дробленная на более мелкие доли и в то же время выше последующих соединенных нот.

Благодаря недоговоренности Мошкова в его об'яснении триольного ритма в чувашских песнях, можно сделать ошибочный вывод, будто бы в ритмике чувашских народных песен есть отступления от общих законов музыки. Но, на самом деле, таких отступлений нет. Напротив, ритмика чувашских народных песен, в свою очередь, лишний раз подтверждает общее правило теории музыки о ритме и, в силу своей разнообразной и богатой техники ритма, открывает место для более детальной разработки учения о ритме вообще. Из этого следует, что для Мошкова не было необходимости заменить первую долю триолей аччиакатурами. Правильнее было бы записывать триоли посредством принятого для них обозначения, и, при исполнении их по нотам, никакой ошибки не могло бы происходить.

Итак, для записи мелодий чувашских народных песен Мошков принял неправильную систему музыкального письма. Поэтому, при изучении материала Мошкова, надо учесть неверности в передаче мелодии, которые вызваны применением неправильной системы.

Мошков записал 77 мелодий, из них 66 песенных, 7 инструментальных и 4 мелодии без слов (халапсăр йурă). В его коллекцию вошли мелодии свадебных, рекрутских, праздничных, хороводных песен и одна колыбельная песня. Тексты к мотивам записаны не точно, что, конечно, в вину собирателю не может быть поставлено, так как он не знал чувашского языка.

Глава VI-ая. XX век.

Как было отмечено выше, конец XIX века в истории чуваш характеризуется тем, что пробудившиеся интеллигентные силы чуваш с исключительной энергией начали

изучать свой народ, его быт, его историю, язык, религию и т. д. В начале XX века литература о чувашах обогатилась появлением ряда печатных трудов, изданных как отдельными выпусками, так и в периодических научных органах. Начиная с 1900 года, ежегодно появляются книги, в которых помещены или отдельные заметки, относящиеся к чувашскому фольклору, или куплеты песен; иногда в них встречается краткое описание чувашского музыкального быта*). Небольшой, сравнительно, перерыв в изданиях падает на 1905 и 1906 г.г., а позднее на 1914-1916 г.г.

Начало XX века знаменательно выступлением Н. И. Ашмарина. В 1900 г. Н. И. Ашмариным выпущен целый сборник чувашских песен в пять печатных листов. В этом же году представлена в архив Симбирской чувашской учительской школы рукопись Г. Т. Тимофеева «Тăхăр йал», содержащая богатое описание музыкального быта чуваш и порядочное количество записанных песен. В 1901 году в таком не специальном издании, как «Живописная Россия», также уделяется немного места музыкальному быту у чуваш. В следующие годы появляются новые труды Н. И. Ашмарина. В 1902 г. печатается его известная историческая монография «Болгары и чуваши», в 1903 г.—«Опыт исследования чувашского синтаксиса.» Для интересующегося чувашской музыкальной этнографией в названных трудах имеется достаточно материала в виде отдельных куплетов песен и замечаний. В этом же году в «Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн.» появляется сочинение К. П. Прокопьева «Брак у чуваш». Для фольклориста сочинение это дорого тем, что в нем приведены 92 куплета из песен подружек невесты, содержание которых является богатейшим источником для характеристики положения молодой женщины у родителей и у мужа, в новой семье. Труд этого автора интересен также в том отношении, что в нем впервые поставлен вопрос об юридической стороне брака у чуваш. Рядом с сочинением К. П. Прокопьева может быть поставлено сочинение Ф. Н. Никифорова «Стюхинские чуваши», изданное в 1904 году. Автором внимательно и точно описан быт стюхинских чуваш, в том числе не на последнем

*) Термин «музыкальный быт» не вполне точен. В наших очерках он часто употребителен с определенным значением, но несколько условно.

месте стоит и описание музыкального быта. Означенным годом на некоторое время обрывается дальнейшее печатание трудов, в которых можно найти интересный фольклорный материал. Интеллигентные силы чуваш, главным образом, учительство, были захвачены революционным движением, и, можно сказать, едва ли кто был занят собиранием и подготовлением к печати песенного и музыкального материала.

С 1907 года вновь начинается оживление и под‘ем в музыкально-этнографической работе. Подряд два года, 1907—1908, И. Д. Никитин-Юрки печатает свои работы по чувашской музыкальной этнографии. Обращается внимание не только на собирание народных песен и мотивов, но и на изучение музыкальных орудий, употребительных в чувашском народе. В 1908 году появляется об‘емистый сборник образцов мотивов чувашских народных песен с текстами к ним. Сборник издан инспектором Симбирской чувашской школы И. Я. Яковлевым. В циркулярах по Казанскому учебному округу за 1909 год появляется заметка о выступлении хора учеников Симбирской чувашской школы на собрании Симбирского Археологического Общества. Необходимо заметить, что около того времени, благодаря трудам талантливого, музыкально образованного, ныне покойного, преподавателя пения школы, Ивана Митрофановича Димитриева, хор Симбирской школы приобрел широкую популярность в г. Симбирске. Хор ежегодно выступал в зале губернского земства, дворянского собрания и т. д. В 1911 г. появляется выдающееся по своему значению и весьма оригинальное по свежести материала сочинение Г. И. Комиссарова «Чуваши Казанского Заволжья». В 1912 г. появляется второй фундаментальный сборник образцов чувашских народных песен с текстами к ним, составленный учителем П. В. Пазухиным. Затем наблюдается перерыв до 1917-1918 г. г.

С началом революции открывается новая эра в области чувашского музыкального искусства, вместе с тем, и новый период в области чувашской музыкальной этнографии. В 1917 году известные в чувашском мире композиторы-этнографы С. М. Максимов, Г. Г. Лисков и др. с большим успехом выступают со своими гармонизациями чувашских песен на различных чувашских с‘ездах в Симбирске и Казани. Успех, сопровождавший выступления названных композиторов,

был вполне заслуженный. Гармонизации их приятны на слух, не искажают национального характера песен, звучны, удобны для исполнения и, с теоритической стороны, вполне безупречны. В настоящее время их гармонизации известны в каждой чувашской деревне, и, можно сказать, ни один чувашский концерт не проходит без исполнения песен в их гармонизации. С об'явлением Чувашской Автономной Республики доминирующее значение приобретает новый центр музыкальной жизни чуваш—г. Чебоксары. Здесь открывается чувашская музыкальная школа, которая из года в год все более заметно врезывается в культурную жизнь города. До 1923 года процветает чувашский хор при Центральном чувашском педтехникуме в г. Чебоксарах. Этот хор в течении ряда лет выступает на всех с'ездах Советов Чувашской Республики, равно и на других областных с'ездах и конференциях. Этот же хор в 1923 году выступает в Москве на Всесоюзной Сельско-Хозяйственной и Кустарно-Промышленной Выставке и в ряде культурно-просветительных учреждениях г. Москвы, в том числе, и в Государственном Институте Музыкальных Наук. Некоторые песни из своего репертуара хор исполнил для записи на граммопластике. Разумеется, такое оживление музыкальной жизни не могло не отразиться на теоретическом изучении чувашской музыки. Появились новые собиратели чувашских песен, гармонизаторы и новые исследователи чувашской музыки.

В отношении теоретического исследования чувашской музыки в настоящее время работает ряд лиц и учреждений в Москве, Чебоксарах, Казани, Ульяновске, Уфе и в ряде городов Чувашской Республики, о чем можно судить по библиографическому приложению к настоящему очерку.

Рассмотрим по отдельности более ценные труды, представляющие интерес с точки зрения музыкальной этнографии.

9. Г. Т. Тимофеев. «Тăхăр йал». Рукопись «Тăхăр йал» означает: «Девять деревень», а подзаголовок названия: «Сĕве тавращĕнҫи ҫăвашсем»—«Чуваши свияжского бассейна». Этот труд датирован от 8-го июня 1900 года. В конце приложены два письма: одно—А. Антонова, другое—Н. Никольского; оба на имя инспектора Симбирской чувашской школы И. Я. Яковлева. Письма полны похвальных отзывов о труде автора.

В труде Г. Т. Тимофеева для нас интересны прежде всего те главы, которые заключают в себе собрание песен и описание того известного хоровода, который ежегодно водится в день Троицы, на берегу Свияги, около мельницы Старых-Бурундук.

Песни в труде Г. Тимофеева занимают всего 4 главы. Но и помимо песен, содержание книги очень интересно. Для ученого здесь найдется этнографический материал, для массового читателя—картинное изображение прошлого быта чуваш. Так—в первой тетради заключается топографическое описание местностей между Волгой и Свиягой, заселенных чувашами. Вторая тетрадь изображает старинную жизнь чуваш «девяти деревень» во времена удела. Одно из проявлений этой жизни упомянутый выше хоровод, на который чувашская молодежь собиралась чуть ли не из 20 окружающих деревень. Третья тетрадь показывает разложение старого быта. Здесь же говорится о происхождении и истории селений «тăхăр йал». В четвертой тетради разбирается вопрос о булгарском происхождении чуваш. В пятой—описывается миросозерцание чувашина-язычника. В шестой—говорится о различии между казанскими и симбирскими чувашами. Остальные тетради заключают собрание песен, сказок. преданий, легенд, загадок, отгадок, пословиц, поговорок и проч,

При живости языка и умении автора подмечать характерные черты из чувашского быта, труд Г. Т. Тимофеева представляет собою значительное явление в литературе о чувашах. Чуваши и их недавняя прошлая историческая жизнь здесь на лицо, как в зеркале. Прочитывая некоторые страницы «Девяти деревень», как будто воочию видишь не блестящую, не шумную, но трудолюбивую и мирную жизнь чуваш того времени, с их вечными заботами, песнями, молениями, горем и радостями. К числу недостатков книги должно быть отнесено стремление автора искусственным образом сгруппировать чувашские национально-бытовые обычаи вокруг церковных праздников. Это в корне неправильно, так как национально-бытовые обычаи у чуваш коренятся в их древних языческих обрядах. Впечатление от этого серьезного недостатка сглаживается только тем, что, при описании жизни и быта чуваш, у автора совершенно прозрачно пробивается его языческое мироощущение.

10. К. П. Прокопьев. «Брак у чуваш». Сочинение это характерно тем, что автор его затрагивает, как упомянуто выше, вопросы юридического характера, касающиеся, как-то: брачного возраста, родства, форм заключения брака, развода, имущественно-семейных отношений у чуваш и т. д. Оказывается, чуваши придавали значение юридического оформления брака не венчанию, а национальному брачному ритуалу, установленному еще в патриархальные времена.

«По убеждению чуваш», говорит Прокопьев,—«пока не выполнен еще отцами и прадедами установленный брачный ритуал и пока на голову молодой не возложен еще сурбан, молодые не могут вступить в супружеские отношения, хотя бы они были венчаны. Поэтому молодая и после венчания продолжает пользоваться эпитетами, приличествующими только девушкам. Наоборот, в случае заключения брака через похищение невесты, молодая тотчас после свадьбы вступает в супружеские связи с мужем и живет в его доме, хотя венчание в таких случаях откладывается часто на месяц, полгода и даже на несколько лет». Христианскому же обряду венчания чуваш, по уверениям К. Прокопьева, не придают никакого значения и совершают его заблаговременно для того, чтобы после, во время свадьбы, не хлопотать и не путаться с ним. Следует к этому заметить, что в настоящее время среди чуваш число браков, заключаемых совсем без обряда венчания, растет из года в год, по мере того, как новые формы брака, установленные новым строем жизни, все глубже и глубже проникают в сознание масс.

В сочинении К. Прокопьева читатель найдет довольно полное описание брачного и свадебного обряда у чуваш. Так как брачный обряд у чуваш не обходится без музыки, то здесь чуть ли не на каждой странице можно встретить зарисовку музыкального быта. Так, например, на 25 стр. описывается очень оригинальное состязание между скрипачами—музыкантами на свадьбе.

«Свита невесты и жениха старается перещеголять и превзойти друг дружку в удальстве, в песнях и плясках», начинается описание этого состязания.—«Скрипачи с той и другой стороны так же вступают в спор. Сидя рядом, они изо всей мочи пилят каждый на своей скрипке, стараясь перещеголять друг перед другом. Часто пускаются даже на

хитрости и на нечестные средства. Лицо, нарочно подговоренное которым нибудь из скрипачей, берет у одного скрипача скрипку, якобы посмотреть, поворачивает ее на руках и нахваливает, а сам в это время незаметно смажет скрипку салом. После того она начинает уже издавать глухие звуки».

Сочинение К. Прокопьева весьма ценно еще тем, что в нем автор поместил «прощальные песни невесты», всего 82 куплета, и песни подружек. Текст снабжен переводом.

11. О «Кратком конспекте по этнографии чуваш» Н. В. Никольского много говорить не приходится. Труд этот известен среди чуваш всем и каждому: второе издание его имеется почти во всех чувашских школах как среднего, так и нисшего типа. В свое время, о первом издании этого труда Г. И. Комиссаров дал такой отзыв.

«До самого последнего времени не было труда, который можно было бы назвать вполне этнографией чуваш. Теперь такой труд имеется: это недавно появившееся сочинение Н. В. Никольского под заглавием: «Краткий конспект по этнографии чуваш», напечатанный в Известиях О-ва Археологии, Истории и Этнографии за 1911 год. Хотя автор назвал свой труд лишь «Кратким конспектом» и предполагает разработать его и выпустить в виде обширного сочинения (в 2000 стр.), но и этот первый труд, заключающий в себе 144 стр., при сжатости изложения, является поистине замечательным трудом, открывающим собою, так сказать, новую эпоху в истории этнографической литературы о чувашах». (Г. И. Комиссаров «Чуваши Казанского Заволжья»). Высказанный взгляд Г. И. Комиссарова безусловно правилен. В рамках своего назначения. «Конспект» несомненно превосходный труд. К сожалению, автор до сих пор еще не выполнил данного обещания. При той колоссальной эрудиции, какою обладает профессор Никольский в области этнографии чуваш, появление этого труда в книжном мире было бы событием значительной важности не только для молодой, только еще нарождающейся чувашской науки, но, несомненно, и для этнографической науки вообще. Разумеется, пока труд проф. Никольского еще не издан, мы не можем судить о достоинствах его, но мы можем надеяться, что в нем и музыкальной этнографии уделено будет значительное место. В «Конспекте» же о музыке, о музыкальном быте и песенном творчестве чуваш сказано немного.

12. «Чуваши Казанского Заволжья» Г. И. Комиссарова— довольно обширная монография. Это образец классического труда по этнографии чуваш. Ознакомимся с ней сначала со слов самого автора. Он говорит:

«Самое заглавие нашего труда показывает, что мы намерены сообщить в нем данные касательно только части чуваш, которая и была предметом наших наблюдений и непосредственного изучения как во время нашего совместного сожительства с чувашами, так и во время наших специальных поездок в чувашские уезды». Раз'яснив термин «Заволжье», автор далее продолжает, что он не избегал делать сообщения о чувашах вообще. Наиболее обстоятельные сведения сообщает относительно чуваш Ядринского, Козмодемьянского, отчасти —Чебоксарского и Цивильского уездов. Несмотря на то, что «чуваши живут в 48 поволжских, приуральских и сибирских губерниях, человеку, изучившему чуваш означенных уездов, остается прибавить к своему знанию еще немного, чтобы получить титул чувашеведа, потому что здесь живет главное ядро чувашского населения. Чуваши же остальных местностей являются перерасселенцами из главной страны чуваш, потому обычно или совсем не отличаются от Ядринских или Цивильских чуваш, или, если и отличаются, то не особенно резко».

Автор подчеркивает значение личного изучения исследуемого народа. Он говорит:

«Мы не можем сказать, что литература о чувашах очень бедна. О них начали писать, собственно, с 18-го века, точнее с царствования Екатерины II-й, и уже существует до 600 сочинений на русском языке, в которых содержатся сведения о чувашах. Но многие из этих сочинений не высокого достоинства. Многие авторы писали о чувашах только со слов рассказчиков, а некоторые, хотя и наблюдали чуваш лично, но наблюдения их не были тщательными и всесторонними. В виду этого, авторы либо многое не усматривали в жизни чуваш, либо, не зная чувашского языка, многое толковали неправильно, либо, наконец, случайные черты, свойственные чувашам только изучаемой местности, неправильно обобщают и приписывают к чувашам вообще... Этнография не может довольствоваться сообщениями из вторых-третьих уст, а нуждается в личном наблюдении автора, в основательном

изучении исследуемого народа. Необходимо этнографу, конечно, знание и языка изучаемого народа»*).

Вот те методологические требования, которые автор пред'являет как к другим, так и к самому себе. Подобный подход автора к исследуемому об'екту является необходимым условием научного достоинства книги. В книге дана обстоятельная характеристика чувашских песен, обнаруживающая в авторе глубокое знание чувашской народной поэзии и музыки. В настоящее время, как нам известно, Г. И. Комиссаров продолжает заниматься чувашской музыкальной этнографией.

13. В хронологическом порядке приходится остановиться на другом сочинении **проф. Н. В. Никольского**. Сочинение это уже более специального характера, чем «Конспект по этнографии чуваш», и озаглавлено: «**Конспект по истории народной музыки народностей Поволжья**». Труд издан Казанской восточной музыкальной школой. Последнее обстоятельство заслуживает упоминания здесь потому, что раньше, до революции, изучением народностей занимались только отдельные представители научного мира, отваживавшиеся из чисто научных стремлений обречь себя на такой неблагодарный в те времена труд. Великий Октябрь, разбив цепи царизма, открыл и мелким народностям широкий путь для самостоятельного развития. Появились специальные институты для изучения этих народностей. К числу таких институтов относится и Казанская восточная музыкальная школа, ныне, кажется, преобразованная в Татарский музыкальный техникум.

Предполагается, что истинное, глубокое и всестороннее знание этнографии того или иного народа без основательного знакомства, кроме его истории, материальной культуры и т. д., с его бытом, с его духовным творчеством,—невозможно. Проф. Н. В. Никольский, вслед за проф. Н. И. Ашмариным, сделал в этом отношении огромный шаг вперед в области изучения мелких народностей Поволжья, в частности, чуваш. Заслуга ученого автора тем более значительна, что труд охватывает музыкальное творчество не только чуваш, но и других наро-

*) В то время, когда писалась цитируемая книга, упомянутое количество сочинений, в которых можно было найти сведения о чувашах, казалось довольно значительной. В настоящее время эта цифра составляет, сравнительно, ничтожную часть в литературе о чувашах.

дов Поволжья, представляя таким образом, сравнительный музыкально-этнографический материал. Проф. Н. В. Никольский в своем труде дал материал, который свидетельствует о широком и всестороннем знании автором чувашской этнографии. Для изучения музыкальной этнографии народностей Поволжья—книга представляет большую ценность, как заключающая в себе сводный, систематизированный научный материал.

Например, на 34 стр. читаем весьма интересный материал, относящийся к вопросу о музыкальных влияниях на раннее Поволжье, в эпоху Болгарского царства. „В 922 году Болгарский царь Алмас принял ислам, и с этого времени арабское пение раздается с высоких минаретов для призыва к молитве, производя, по описанию путешественников, странное, фантастическое впечатление, не лишенное своего рода прелести. Заунывностью, монотонною мрачностью отличается пение на похоронах... Через арабов проповедников, законоведов, учителей и ученых арабская музыка является среди татар, башкир, киргиз и омусульманенной части чуваш, мари, кряшен, мордвы и вотяков. Эпоха, в которую началось это влияние, была эпохой расцвета арабской музыки. Багдад был тогда средоточием хорошей музыки. Из Багдада пришли и первые насадители новой музыки и новых музыкальных инструментов... В столице Болгарского, а затем Казанского царства заводятся школы, где самое преподавание большинства предметов ведется нараспев“.

Из приведенного отрывка видно, что автором делается попытка дать пояснение к вопросу о влиянии арабской музыкальной культуры на песенное и музыкальное творчество поволжских народов. К сожалению, данный вопрос затронут автором лишь мимоходом.

В книге имеются и недочеты. К числу последних следует отнести прежде всего излишнюю сжатость фольклорного материала, а затем отсутствие необходимых пояснений в отдельных случаях. Так, например, вслед за Сокальским, автором исследования о русской народной музыке, проф. Н.В. Никольский приводит 5 типов китайской гаммы в тоне «До», но затем, без необходимого пояснения, ставит через знак равенства против каждой из них различные бемольные тональности. Это непонятно. У Сокальского транспозиция гамм

понятна, так как сопровождается пояснением. Сокальский говорит: «Гамму эту (т. е. китайскую гамму) можно сыграть на одних черных клавишах фортепьяно, транспонировав ее для этого на большую терцию вниз». Значит, при исполнении китайской гаммы, можно ограничиться одними черными клавишами фортепьяно. Исполнять китайскую гамму на одних черных клавишах очень удобно, потому что наглядно. Каждый, если бы и не имел понятия о системе китайских гамм, мог бы безошибочно сыграть любую китайскую гамму на черных клавишах фортепьяно. Поэтому Сокальский и указывает на этот простой и практически удобный способ транспозиции. В таком об'яснении имеется достаточное основание для того, чтобы транспонировать китайские гаммы в соответствующие им бемольные тональности. В примере проф. Н. В. Никольского об'яснения этого факта не имеется.

14. Йуман (Д. П. Петров). «Ђăваш Ахтономлă Оплăçĕ». (Чувашская Автономная Область). Чтобы судить об этой книге, не лишне вспомнить, что в прежнее, дореволюционное, время о таких достижениях, как появление книги Йумана, и мечтать не приходилось. Автор его принадлежит к старшему поколению чувашских революционеров. Через всю книгу—от начала до конца—красной нитью проходит сознание автором колоссально тяжелых условий в прошлой исторической судьбе чувашского народа, его классовой приниженности и задавленности в эпоху самодержавия, сознание трудности промышленного возрождения при экономической отсталости края, являющейся следствием отрицательного влияния колонизаторской и империалистической политики русских царей. Но автор глубоко верит в несомненное богатство духовных сил чувашского народа и в способность его к культурному развитию при таких благоприятных условиях, как наличие советского строя, автономное существование чувашской нации и направление просветительного дела у чуваш по руслу западно-европейской культуры.

Интересен взгляд Йумана на музыку чуваш. По его мнению, начало музыкального развития чуваш относится к глубокой древности. Как явление общественного порядка, музыка у чуваш возникла, вероятно, в тот период их истории, когда они, будучи пастушеским племенем, кочевали на

широком просторе первобытных степей, ибо не могло быть того, чтобы кочевник, пасущий свои стада, не пел песен. Мелодии чуваш многим отличаются от мелодий европейских народов: они больше напоминают китайскую музыку. Музыка у чуваш менее развита, чем у цивилизованных народов, но если ее сравнивать с музыкой других народов вообще, то нужно сказать, что она богаче, чем музыка многих других народов. Указав, какого рода песни чаще всего поются у чуваш и на каких музыкальных инструментах чуваши любят играть, Йуман отмечает, что в последнее время среди чуваш очень заметно увлечение русской музыкой, которую чуваши усваивают прежде всего путем введения в обиход русских музыкальных инструментов. В подобном влиянии Йуман, повидимому, находит здоровое начало. Усвоение начал европейской музыки должно иметь благотворное влияние на дальнейшее музыкальное творчество чуваш, ибо в этом явлении кроются начала освобождения чувашской мелодии от стеснительных форм древне-азиатского мелоса. Таков основной взгляд автора на происхождение, характер и пути развития музыкального творчества у чуваш*).

К числу крупных достоинств сочинения следует отнести то, что оно написано автором богатым в лексическом отношении и общелитературным чувашским языком. Отдельные положения и вопросы разработаны с тонким пониманием сути дела и присущей автору редкой универсальностью, в особенности, в вопросах исторического и экономического характера. Уверенный и смелый марксистский подход, с каким написана вся книга, еще более увеличивает ее достоинство.

15. Статья **Ф. П. Павлова «О музыке чуваш»,** помещенная в Чувашском настольном календаре на 1923 год, подразделяется на 12 тем или частей. В первой части приводится краткий указатель книг, в которых имеются те или другие

*) Мысли о том, что, со стороны элементов гаммы, мелодии чувашских песен напоминают китайскую музыку, сама по себе не нова. Ее уже высказывали разные авторы. Например, В. А. Мошков, проф. Н. В. Никольский, М. П. Петров далеко не чужды этой мысли. В нашей статье «О музыке чуваш», помещенной в Чувашском настольном календаре на 1923 год, эта мысль более резко и более определенно выражена, чем у других авторов. Сходство некоторых гамм, встречающихся одинаково как в чувашской, так и в китайской музыке, несомненно существует. Но пока еще не собрано столько музыкального материала, чтобы прийти к окончательному выводу по затронутому вопросу.

сведения о чувашской музыке. Всего указано 27 книг, начиная с 1791 года. Во второй части указываются книги, в которых собраны мотивы чувашских песен и тексты к ним. Всего указано 16 книг, начиная с 1856 года. В третьей—указываются сборники гармонизированных чувашских песен. Всего приведено 8 названий. В четвертой—приводится характеристика общей музыкальной одаренности чуваш, по данным этнографической литературы. В пятой—перечисляются виды чувашских песен и инструментальных мелодий. Всего указано 19 видов песен и 12 видов инструментальных мелодий В шестой—приводится перечень музыкальных инструментов. Перечислен всего 21 музыкальный инструмент. В седьмой—дается краткая характеристика чувашского народного стиха, характеристика ритмики чувашской музыки и виды этого ритма. В восьмой—дается понятие о звукоряде чувашских песен. В девятой—рассматриваются виды чувашской гаммы. В десятой—говорится об интервалах в чувашской музыке. В одиннадцатой—даются сведения о строе, законах гармонизации и модуляции чувашских песен. В последней, двенадцатой, части говорится о положении национальной музыки в родной школе.

16. Ф. П. Павлов .«Отчет Общества изучения Чувашского Края за 1923 год». Чебоксары, 1924.—В «Отчете» приводится реферат доклада, читанного 4-го марта 1923 года в Чебоксарском рабфаке на студенческом собрании на тему: «Понятие чуваш о красоте, по народным песням». Содержание его заимствовано из написанного тогда же пятого очерка настоящего сочинения, в виду чего здесь содержание доклада не излагается.

17. С. Н. Юренев. «Чувашские народные песни». Рукопись*). Материалы для своего «музыкально-этнографического сборника» Юренев начал собирать в 1922—23 г.г. в г. Твери, среди чуваш, бежавших сюда от голода. «В марте 1922 г.», рассказывает Юренев,—«я познакомился с тремя мальчиками—чувашами, жившими в одном из детских домов помощи голодающим. От них я впервые услыхал чувашские народные песни. Эти мелодии поразили меня своей оригинальностью... Сначала от этих трех мальчиков я начал записывать

*) Доставлена в О-во изучения Чувашского Края.

мелодии чувашских песен, потом от беженцев-чуваш, живших в Твери». Впоследствии Юренев совершил две экскурсии для собирания чувашских народных песен: летом 1925 и 1926 г.г. в Чистопольский и Спасский кантоны Татарской Республики, где чуваши живут в значительном количестве и сплошными массами. Здесь Юренева интересовали, главным образом, чуваши-язычники, и до сих пор уцелевшие в этих районах. Юренев правильно предполагал, что «население. сохранившее наиболее стойко свои древние религиозные верования (вернее, древне-языческий национальный быт. Ф. П.), должно и в музыке сохранить много национальных черт».

Своему сборнику Юренев предпослал довольно подробное и обстоятельное введение. Здесь он разбирает известные ему сборники песен. Обращает внимание на принципы классификации чувашских народных песен (по виду, содержанию и т. д.). Собиратель находит, что «мелодии чувашских народных песен можно классифицировать в зависимости от того, в какое время года и по какому случаю они поются». Соответственно этому, Юренев подразделяет собранные им песни по отделам: «Уйав йуррисем»—хороводные песни. «Ӗҫкӗ йуррисем»—пировые или попоечные песни. «Туй йуррисем»—свадебные песни. «Салтак йуррисем»—рекрутские песни. «Ҫӑварни йуррисем»—масленичные песни. В особый отдел выделены «разные песни». Всего в сборнике 142 мелодии. Собиратель указывает, что мелодии записаны им в тоне исполнения. В сборнике даются подробные сведения о времени, месте исполнения мелодий, а также и об исполнителях мелодий. Текст песен переведен на русский язык, но перевод не может считаться удачным. Однако, это обстоятельство не может быть поставлено в вину собирателю, т. к. Юренев ранее не знал чувашского языка.

Юренев рассказывает, как возникают иногда и как распространяются чувашские народные песни, с какими музыкальными заимствованиями от других народностей приходится встречаться при собирании чувашских народных песен. При этом описывается чрезвычайно интересная картина процесса народного музыкального творчества. Собирателю удалось присутствовать на нескольких попойках в Старо-Чувашском Адаме и др. деревнях Чистопольского кантона.

«Если гость во время угощения не поет», рассказывает Юренев,—«то это считается неуважением к хозяину*). Гости иногда состязаются друг с другом в пении красивых мелодий, которых в течение одного вечера сменяется иногда более двадцати. Считается хорошим тоном спеть какую-либо новую, неслыханную ранее, мелодию. Ее обыкновенно подхватывают все собравшиеся и поют ее, изменяя, переиначивая, создавая все новые и новые варианты, из которых некоторые забываются, другие входят в обиход деревни». Делая отсюда вывод об изменчивости некоторых чувашских мелодий, Юренев подразделяет чувашские народные мелодии на два вида: на «устойчивые» и на «неустойчивые». По мнению собирателя, «устойчивые» это те мелодии, которые поются в строго определенные моменты жизни и те, которые имеют культовое и укоренившееся бытовое значение. Тому же закону подчиняются, по мнению Юренева, и тексты мелодий.

Очень интересные данные приводит Юренев о том, как распространяются чувашские народные песни. По его мнению, у чуваш существуют музыкальные районы, в пределах которых музыкальным влиянием пользуется одна какая-нибудь деревня, которая становится постоянным центром музыкальной жизни района. В своем «введении» Юренев затрагивает ряд других, весьма важных, вопросов: о форме чувашской песни, о частичном влиянии на чувашское песенное и музыкальное творчество со стороны русской музыкальной стихии и т. п. Одно обстоятельство только кажется очень странным: Чистопольский и Спасский районы издавна пользуются песенной славой, здесь встречаются наиболее красивые мелодии, наиболее богатые формы песенного стихосложения, но в сборнике Юренева, как будто не так много красивых мелодий и не так много содержательного песенного текста...

18. А.П. Милли. «Материалы по изучению истории, этнографии и словесности чуваш». Рукопись. Раньше, до революции, собиранием чувашских народных песен были заняты лишь отдельные лица. Теперь, после революции, особенно с об'явлением Чувашской Республики, инициатива этого собирания находится преимущественно в руках различных организаций и учреждений. Организацией дела собирания песен заняты:

*) Гости петь начинают обыкновенно после значительного охмеления. (Ф. П.).

Общество изучения Чувашского Края, Союз чувашских писателей, Центральный чувашский музей и т. д. Песни собираются через местные филиалы, кружки, ячейки или же путем снаряжения специальных экспедиций, командирования отдельных лиц и т. п. «Материалы» А. П. Милли—результат этого нового исторического процесса в деле собирания и изучения памятников чувашского народного творчества. А. П. Милли в конце лета 1922 г. был командирован Обществом изучения Чувашского Края в Цивильский и Чебоксарский уезды для собирания памятников истории и словесности чуваш. В командировке А. П. Милли находился около 8 месяцев. За это время он успел исколесить вдоль и поперек всю восточную часть Чебоксарского и северо-восточную часть Цивильского уездов. А. П. Милли отыскал много ценных материалов по археологии, истории и этнографии края, записал порядочное количество народных песен, исторических преданий, снял несколько зарисовок с древних надписей, записал много сказок, пословиц, легенд и пр. У А. П. Милли, кроме того, масса описаний чувашского национального быта. Об'яснения к чувашским народным песням, характеристика песенного и музыкального творчества чуваш, сравнение чувашских мелодий с песнями других народов достаточно оригинальны и убедительны. Издание рукописи А. П. Милли явилось бы ценным вкладом в литературу по изучению песенного и музыкального творчества чуваш.

На этом заканчивается наш обзор сочинений, в которых мы искали материалы о чувашском песенном и музыкальном творчестве. О сочинении писателя Н. Д. Телешова «Сухая беда» здесь не упомянуто лишь потому, что разбор этого сочинения более относится к области изучения художественной литературы и составляет предмет литературной критики. Кроме того, необходимо указать еще, что в последнее время все чаще и чаще стали появляться разные сочинения о чувашах, о Чувашском крае и т. д. В различных периодических органах печатаются также и специальные статьи о песенном и музыкальном творчестве чуваш. По вполне понятным причинам, здесь нет возможности обо всем этом отмечать. Переходим теперь к рассмотрению сборников чувашских народных песен.

* *
*

При обзоре сборников главное внимание обращается на количественное содержание песен и на достоинство музыкальных записей. В том и другом отношении, отмечается лишь то новое, особенное и характерное, чем выделяется данный сборник в истории чувашской фольклорно-этнографической литературы.

1. Н. И. Ашмарин. «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской». Сборник издан отдельным оттиском из XVI тома «Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн.» за 1900 г. Песни записаны собирателем самим лично, за исключением пяти куплетов, доставленных ему В. К. Магнитским. Тексты песен снабжены переводом в прозе. Всего куплетов 200, но, если считать куплеты четверостишиями, — их наберется не менее 350. В конце сборника даны примечания к песням, которые сводятся к научным об'яснениям отдельных слов, фраз и художественных оборотов. Благодаря об'яснениям, сборник имеет исключительную научную ценность. В этом отношении, сборник Н. И. Ашмарина является пока единственным в истории чувашской фольклорно-этнографической литературы. Сборник включает песни солдатские, свадебные, гостевые, хороводные и песни разного содержания.

2. И. Я. Яковлев. «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним». Часть 1-я. Сборник этот более известен под названием «Симбирского сборника». Действительно, такое название в известном смысле вполне соответствует, как говорится, истинному положению вещей. Это—коллективный труд людей, которых так или иначе об'единяла Симбирская чувашская школа. Собиратели песен—питомцы этой школы, бывшей единственным очагом чувашского образования в мрачную эпоху самодержавного строя. Они все— ученики и соработники создателя школы, Ивана Яковлевича Яковлева. Появление сборника обязано, главным образом, трудам и заботам этого деятеля. В таком смысле, название сборника «Симбирским» нисколько не умаляет роли И.Я. Яковлева. Напротив, напоминает, что такое название для данного случая является синонимом этого выдающегося имени. Все, что сделано для образования чуваш до революции, это было создано преимущественно в Симбирской чувашской школе

и это было обязано, главным образом, деятельности И.Я. Яковлева. Пятьдесят лет сверхчеловеческой энергии... Полвека титанической борьбы за создание и развитие чувашского образования... Полвека... Но это уже целая эпоха в истории чувашского народа. Эта эпоха немыслима без имени человека, деятельностью которого отмечены ее контуры. Она также немыслима и без названия того культурного центра, Симбирской чувашской школы, с которой были связаны главнейшие исторические факты этой эпохи. Отсюда, и название «Симбирский сборник» понимается не в том обычном смысле, что сборник издан в городе Симбирске, а в том особенном, который справедливо придается такому укоренившемуся названию.

В предисловии говорится, что это впервые появляющийся сборник мотивов чувашских народных песен. В сборнике семь отделов, в которых всего 91 мотив. Мотивы записаны в селениях: а) Буинского уезда—Альшееве, Ракове, Чувашских Кищаках, Старых Мертлях, Кошки-Ново-Тимбаево, Черепанове, Больших Арабузях и Белой Воложке; б) Симбирского уезда—Кайсарове, Спасского уезда—Сиктерме и в) Петровского уез. —Белой Горе. Тексты песен записаны в этих же селениях.

В сборнике помещены: песни хороводные, песни в осенние и святочные девичьи праздники, песни праздничные, свадебные, рекрутские, плач невесты и такмаки (шутки). Главный недостаток сборника—обозначение нот по цифирной системе (метод Шеве), особенно распространившейся по Поволжью, благодаря практике С. В. Смоленского.

В смысле точности записей мелодий, в сборнике есть и погрешности. В отношении музыкального письма, сборник безусловно оставляет желать лучшего. Это тем более странно, что собиратель мотивов Р. Н. Идобаев был отличным музыкантом вообще и хорошим знатоком чувашской музыки. Редактировавший сборник И.М. Дмитриев, думается, мог пропустить лишь такие ошибки, которые были допущены при записях воспитанниками и воспитанницами школы. Впрочем, необходимо оговориться, что запись народных мотивов представляет несомненную трудность и для серьезного музыканта. Для этого, кроме общего музыкального образования, нужна практика, уменье уловить и передать в музыкальном письме особенности народного музыкального творчества. В системе культурной музыки таких особенностей, какие встречаются

в народной музыке, может и не быть. В виду этого признано более удобным записывать народные мотивы посредством фонографа. Но в условиях современной действительности часто приходится довольствоваться даже примитивными записями, как бы это ни было не желательно. Дожидаться того момента, когда фонограф явится спутником каждого собирателя, не приходится. Народная песня, при быстрой смене быта, незаметно и быстро перерождается, меняется, изчезает. По точности записи, сборник хотя и нельзя считать имеющим научно-этнографическое значение в строгом смысле слова, но, тем не менее, в общем, это обстоятельный и огромной ценности сборник, сыгравший, несомненно крупную роль в истории чувашского музыкального искусства. К сожалению, издание этого сборника разошлось давно, и в настоящее время трудно разыскать даже отдельные экземпляры издания.

3. Продолжение сборника И.Я. Яковлева «**Образцы мотивов чувашских народных песен**» принадлежит бывшему народному учителю Козмодемьянского уезда **Петру Васильевичу Пазухину.** В предисловии имеются такие сведения о сборнике:

«Познакомившись с Симбирским сборником», говорит П. В. Пазухин»,—я заметил, что туда не вошли песни чуваш, которые живут в более глухих уголках Симбирской и Казанской губерний и у которых сохранились мотивы песен более старинного характера. Я сам, будучи из тех мест, еще в детстве замечал между многими мелодиями такие, которые производили на меня особенно глубокое впечатление. По окончании Симбирской чувашской учительской школы, я задумал пополнить первый сборник более старинными и новыми мотивами и, главным образом, из тех мест, куда еще не могли проникнуть собиратели мотивов народных песен первого сборника. Живя учителем в разное время то в Ядринском, то в Козмодемьянском уездах, а по вакатам в самом отдаленном углу Буинского уезда, я прислушивался к пению тамошних чуваш и старался заносить их песни в свой сборник. Собранные мотивы и тексты к ним в достаточном количестве—дали мне возможность издать их в отдельной брошюре, но всякий может представить ее, как продолжение первого сборника».

В сборник П. В. Пазухина вошли песни чуваш Буинского, Симбирского, Сенгилеевского, Ядринского, Козмо-

демьянского, Цивильского, Тетюшского, Чебоксарского и Белебеевского уездов. Хороводных песен 23 мотива, игровых—3, праздничных—37, песен на масленице—16, такмаков—1, свадебных—10, рекрутских—8. Всего 98 разных мотивов и около 650 куплетов.

В момент составления своего сборника П. В. Пазухин—сельский учитель, один из одиночек собирателей чувашских народных песен в дореволюционное время. Он—ученик Симбирской школы, продолжатель дела И. Я. Яковлева в отношении собирания песен. Работа его имеет тот же отпечаток, те же достоинства и недостатки, что и первый, Симбирский, сборник. Здесь—та же цифирная система, те же отделы в расположении материала, даже тот же формат и такое же название сборника: «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним». Неудивительно, что и сам составитель рассматривал свой сборник, как продолжение сборника И. Я. Яковлева.

Относительно точности записей мотивов следует отметить, что составителем сборника эта сторона дела выполнена в общем и целом удовлетворительно. Большинство мотивов не оставляет сомнения в правильности передачи их. Во всяком случае, П. В. Пазухин старался возможно точно зафиксировать каждый мотив. Это видно из того, что он ввел в употребление цифирные форшлаги, а также отмечал и способ исполнения: «оживленно», «медленно» и др. Несмотря на это, в записях П. В. Пазухина обнаруживаются некоторые неточности в передаче отдельных мелодических рулад, фигур и проч., как это установил С. М. Максимов. Особенно значительными эти неточности считать нельзя, поэтому они не могут умалить значения сборника в целом. Кстати, нужно заметить, что название сборника: «Образцы мотивов»—также, как и такое же название сборника И. Я. Яковлева,—верно лишь относительно. Нельзя утверждать, что все мотивы, помещенные в сборнике, являются «образцами» чувашских мотивов, «типичными» для чувашского народного музыкального творчества*).

---

*) В сборник вошли некоторые мотивы, записанные нами в селе Богатыреве Ядр. у. в период 1907—1909 г.г. П.В. Пазухин, по использовании записей, вернул рукописную тетрадь с надписью: «Симбирск. Чувашская школа. Воспитаннику Ф. Павлову. Возвращаю Вам рукопись с благодарностью. П. В. Пазухин. 1910 г.»

4. Сборник «**Аҫа-пӑҫа сасси**». Это—сборник детских песен, впервые появившийся в чувашской музыкальной литературе*). Сборник издан в 1921 году Чувашским обл. отд. нар. обр. Редактирован заведующим музыкальной секцией **Ф. П. Павловым.** Сборник отпечатан по линейной системе и в очень ограниченном количестве. В предисловии, написанном по-чувашски и по-русски, сообщается, что по изданию сборника работали инструктора музыкальной секции И. Г. Гаврилов, Т. С. Патрик и В. П. Пикторинский под руководством Ф. П. Павлова.

В обращении от составителей сборника к любителям родной песни говорится, между прочим, следующее: «Народная музыка меняется, изчезает. Необходимо сохранить умирающую песню. Основа будущего чувашского музыкального искусства—простая чувашская песня». Под этим понималось, что если основой будущего чувашского музыкального искусства может быть только родная песня, то ее необходимо собирать по возможности в большем количестве, чтобы накапливать музыкальный материал для будущей музыкальной культуры.

В сборник вошел 21 мотив детских песен со словами и об'яснениями детских игр. Большинство мотивов записано Ф. П. Павловым, остальные—инструкторами музыкальной секции. Сборник снабжен обстоятельными об'яснениями, как играть детям во время исполнения той или другой песни. Об'яснения к играм написаны на чувашском языке и принадлежат перу И. Г. Гаврилова. Мелодии записаны правильно. Встречаются досадные опечатки, что, впрочем, не лишает сборника его научных достоинств.

5. Ф.П. Павлов.«Ҫӑваш йуррисем». («Чувашские песни»). Рукописный сборник. Хотя сборник окончательно приготовлен к печатанию, тем не менее—составитель имеет в виду пополнить некоторые отделы его новыми песнями и мотивами, появившимися за время революции, в которых ярко отразился новый быт. Пока в сборник вошли:

	куплетов:	мотивов:
1. Пирушечные песни—ĕҫкĕ-ҫикĕ йуррисем	112	18
2. Песни при встрече и проводах гостей—хӑнасене ҫысласа йурлани	55	—
3. Посиделочные песни—улах йуррисем .	271	39

*) Название сборника «Аҫа-пӑҫа сасси» можно перевести—«Голос детворы» или «Песни детворы».

4. Свадебные песни—туй йуррисем . . .	388	12
5. Хороводные песни—вăйă (уйав) йуррисем	300	20
6. Масленичные песни—çăварни йуррисем	90	15
7. Песня щеголя—вĕçкĕн йурри	1	1
8. Драматические и шуточные песни—такмаксем	141	2
9. Плач невесты—хĕр йĕрри (хӳххи) . . .	86	1
10. Легенды (старинные песни)—авалхи йурăсем	10	1
11. Рекрутские песни—салтак йуррисем . .	74	6
12. Игровые песни—вăйă йуррисем (сăвăсем)	36	22
13. Игровые хороводные песни—уйав вăййи йуррисем	56	14
14. Бурлацкие песни—пурлак йурри . . .	1	1
15. Песня зайца (аллегорическая) — мулкаҫ йурри	1	1
16. Танцевальные песни—ташă йуррисем .	4	4
17. Плач подружек—хĕр-çумми йурри . . .	26	1
18. Песня вдовы—тăлăх арăм йурри . . .	1	1
19. Застольная песня—кĕреке йурри . . .	4	1
20. Песня жениха— кĕрӳ йурри	6	2
21. Святочные песни—сурхури йуррисем	14	4
22. Свадебная песня—туй алăкĕ йурри . .	1	1
23. Колыбельная песня—сăпка йурри . .	26	2
24. Родовая песня—ăру йурри	1	1
25. Трудовые песни—ĕç йуррисем	12	2
26. Революцион. песни—революҫутси йуррисем	2	1
27. Песня девушки перед смертью	1	1
28. Разные песни—тĕрлĕ йурăсем	39	3
Всего—	1760	173

Приведенное деление песен выписано из сборника в том же порядке, в каком эти песни расположены. На этом основании, его нельзя рассматривать как попытку дать примерную классификацию (деление) чувашских народных песен по виду и содержанию.

6. Ф.П. Павлов. «Сăрнай». «Хитрелетнĕ ҫăваш йуррисем». Шупашкар, 1924 ç. Сăрнай — это сборник гармонизированных чувашских народных песен. В сборник вошли гармонизации

1917—18 годов, написанные для хора учителей Акулевской в., Чебоксарского уезда. Две гармонизации, составленные для двухголосного хора, №№ 12 и 13, написаны автором в бытность преподавателем пения в Симбирской чувашской учительской школе, в 1912—13 уч. г. Главная часть работ относится к периоду преподавательской деятельности автора в Центральном чувашском педтехникуме в г. Чебоксарах в продолжении двух лет, начиная с осени 1920-го года.

В предисловии от Чувашского государственного издательства отмечено, что Сăрнай является первым сборником гармонизированных чувашских народных песен, появившимся в печатном виде. Указано также, что научно-методическим советом при Наркомпросе Чувашской Республики сборник рекомендован, как необходимое руководство и пособие при преподавании пения в чувашских школах.

Сборник разделен на четыре части. В первой части помещены одноголосные детские песни, всего 30. Во второй — помещены двухголосные гармонизации, всего 22. Часть из них написана для детей старшего школьного возраста, часть—для любительских хоров. Гармонизации составлены так, что их можно исполнять смешанным хором, путем удвоения партий. Само собой разумеется, что их также можно исполнять отдельно как однородным мужским, так и однородным женским хором. В третьей части помещены шесть гармонизаций для женского трехголосного хора. В четвертой—10 гармонизаций для смешанного хора. Всего 68 гармонизаций.

Текст и мелодии народных песен, помещенных в сборнике, отчасти заимствованы из прежних сборников—Симбирского и Пазухинского. Таковы, например, № 22 из одноголосных песен, №№ 12, 13, 14, 16, 17, 18 и 20 из двухголосных хоров, № 1 из трехголосных и № 9 из четырехголосных хоров. Остальные нумера, за некоторыми исключениями, записаны составителем в разное время и в разных местностях Чебоксарского и Ядринского уездов. Мотивы № 5 и 8 из одноголосной части и № 2, 3 и 19 из двухголосной части и № 6 из трехголосной—не народные, а составлены автором. Точно также и текст № 6 трехголосной гармонизации написан автором, а текст № 10 четырехгол. хора—поэтом Ҫěкеҫ С.

*) Для русского произношения допустимо «Сырнай».

7. С.М. Максимов. «Ҫăваш кĕввисем» («Чувашские песни»). Часть первая. В истории чувашской музыкальной письменности песенные сборники И. Яковлева и П. Пазухина вплоть до последнего времени были единственными, доступными для широкого употребления, изданиями, в которых чувашские народные песни были записаны с мотивами*). В настоящее время сборники Яковлева и Пазухина библиографическая редкость, но если бы даже имелись в достаточном количестве, то все же их слишком недостаточно было бы для удовлетворения современной культурной потребности населения, которая настоятельно ощущается в отношении зрелищ и музыки. Неоспоримо, что правильное художественное воспитание учащейся молодежи и оформление художественных вкусов отсталой деревни глубоко связано с восприятием художественных образцов устного (словесного), литературного и музыкального творчества самого народа. Для удовлетворения этой назревшей потребности и служит недавно появившийся сборник С. М. Максимова—«Ҫăваш кĕввисем».

Как указано в предисловии к сборнику, С. М. Максимов собирал песни, главным образом, среди чуваш Буинского уезда, Симбирской губ.(**). В частности, он записывал песни в селениях «тăхăр йал» (девять деревень), которые, по заявлению собирателя, местными чувашами до сего времени считаются «песенным гнездом». Эти селения: Кошки - Ново-Тимбаево, Черепаново, Бюрганы, Тимерсяны, Анатрал и др. Песни же других местностей С. М. Максимов записывал со слов разных любителей***).

Для науки музыкальной этнографии очень важны следующие условия, которые старался соблюдать собиратель. Мелодии песен записывались в том же тоне, в каком исполнял их сам воспроизводитель народной песни; записывались и варианты мелодий, как разновидность народного музыкального творчества в пределах одного и того же песенного напева. Тексты песен собиратель записывал, не придерживаясь

*) Записи В. Мошкова, как изданные в научном журнале, недоступны для массового пользования. Сборник Ф. Павлова «Сăрнай», немногим ранее появившийся, чем сборник С. Максимова «Ҫăваш кĕввисем», относится к одной культурной эпохе с последним.

**) Ныне Буинский кантон Татарской Республики.

***) Предисловие составителя сборника не цитируется, в виду необходимости перевода с чувашского.

законов принятой литературной формы речи там, где исполнитель делал отступления от этой формы, т. е. записывал слова в том виде, в каком произносил их сам исполнитель. Темпы мотивов указаны по метроному. Необходимо отметить, что С. М. Максимов удачно установил терминологию для обозначения темповых понятий на чувашском языке. Особенно отрадное впечатление производит применение линейной (итальянской) нотной системы. Совершенно справедливо указывает С. М. Максимов, что цифровую нотную систему следует давно заменить линейной. Сборник С. М. Максимова—первая попытка в этом направлении. К сожалению, нотная часть сборника издана лишь литографированным способом, а не печатным.

В предисловии к сборнику С. М. Максимов дал интересное толкование содержания чувашских народных песен. Он говорит: «Народная песня отражает прошлую, историческую судьбу народа. Судя по содержанию песен, в жизни старинных чуваш мало было отрадных моментов. Если присмотреться к содержанию исполняемых у чуваш песен, то замечается, что в пирушечных песнях выражается, главным образом, любовь к родным, в песне «плач невесты»—рисуется тяжелая жизнь чувашской замужней женщины, в песнях рекрутских—изображается тяжелое горе чувашина солдата».

В сборнике семь отделов. В первом отделе помещены школьные и детские песни, всего 25. Во втором—хороводные песни, всего 7. В третьем—пирушечные, 21. В четвертом—масленичные, 7. В пятом—свадебные, 23. В шестом—солдатские (рекрутские) песни, 15. В седьмом—разные, всего 11.

Кроме того, особым отделом помещены чувашские танцевальные мотивы, исполняемые чувашами-музыкантами на скрипке. Отдел этот представляет исключительный интерес, потому что чувашские танцевальные мотивы до сих пор в нотной печати для широкого распространения не появлялись. Танцевальные мотивы собирались и другими любителями чувашской музыки, но в виду того, что издание их представляет значительные затруднения, главным образом, из-за отсутствия оборудованной нотопечатни в местной типографии,—труды этих собирателей до сих пор вынуждены лежать под спудом. Танцевальных мотивов в сборнике всего—27.

Благодаря отделу инструментальных мотивов, сборник приобретает особенный интерес для каждого музыканта-этнографа. Безусловно, для истории чувашской музыкальной этнографии сборник имеет исключительное значение. Кстати, уместно по этому поводу отметить, что заслуги С. М. Максимова, как собирателя, перед наукой чувашской музыкальной этнографии вообще огромны. В настоящее время С. М. Максимов является одним из самых видных и самых энергичных собирателей памятников песенно-музыкального материала. Изданный сборник составляет лишь часть его собранных материалов. Но тут, что мелодия — то красота, что мотив— шедевр. Записи сделаны опытной рукой глубокого знатока чувашской народной музыки: каждый изгиб мелодии, каждый гротеск мотива, каждый тончайший нюанс звука учтен при делении тактов. Это чрезвычайно трудное обстоятельство при записях чувашских народных песен и мотивов преодолено собирателем блестяще. Вот почему сборник С. М. Максимова особенно дорог для чувашского музыканта-этнографа, особенно ценен для истории и науки чувашской музыкальной этнографии, особенно полезен для культурно-музыкальных целей в деле поднятия художественно-музыкального образования среди чуваш.

8. С. М. Максимов. «**Ҫӑваш кӗввисем**» («Чувашские песни»). 2-я часть. Это—сборник гармонизированных чувашских народных песен. С. М. Максимов не только собиратель, но и гармонизатор чувашских народных песен. В сборнике помещено 39 гармонизаций. Из них: двухголосных—13, трехголосных—7, четырех-голосных—13 и с аккомпаниментом на рояли—6. Текст песен приложен отдельно от нотной части. Куплетов всего около 600, считая по 2, 3, 4 и т. д. стихов в каждом куплете. В сборнике помещена только часть гармонизаций С. М. Максимова. Многие песни из его гармонизаций, пользующиеся любовью публики, почему-то не нашли места в сборнике. Помещена также одна интересная гармонизация И. М. Дмитриева, которая, собственно, принадлежит перу одного петербургского композитора (фамилия не известна), который в 1908 г., будучи в Симбирске у И. М. Дмитриева, оставил ему эту гармонизацию*). С точки зрения основной

*) В настоящее время, кроме С.М. Максимова, известны гармонизаторы чувашских народных песен из чуваш: Г. Г. Лисков, Т. П. Парамонов В. П. Воробьев и др., а из русских: Я. В. Прохоров, Н. И. Аладов и др.

темы настоящего очерка, вторая часть сборника С. М. Максимова интересна, прежде всего, как коллекция мотивов и куплетов чувашских народных песен. Хотя новых мотивов и нового песенного текста в этой части, сравнительно, немного, тем не менее, и в ней есть кое-что, чем можно поинтересоваться.

9. Т. П. Парамонов. «Сборник мотивов чувашских песен и тексты к ним». Рукопись. Опять—«сборник»... Редкий собиратель назовет свой сборник каким-нибудь интересным названием. Т. П. Парамонов*) как-раз мог бы дать своему сборнику оригинальное название, потому что он записывал песни, как сам об этом рассказывает, в «натуральной обстановке», т. е., например, свадебные песни записывал на свадьбе, пирушечные—на пирушках, песни улаха—на улахах и т. д. Собирание песен в «натуральной обстановке»—чрезвычайно важное обстоятельство в работе собирателя. На местах, в жизни деревни, наблюдается резкое изменение и перерождение быта: семейного, общественного, хозяйственного и пр. Задача собирателя—записать, фотографически точно зафиксировать это изменение. Читатели вправе надеяться, что автором цитируемого сборника будет опубликовано и описание того быта, в обстановке которого записаны песни.

Собиратель начал записывать песни еще в 1912 г. в д. Латышевой, Цивильского у. Большинство песен записаны в разных селениях Батыревского, Чебоксарского, Ядринского и Козмодемьянского уездов в 1914, 18, 22, 25 и 1926 г.г.

Общее количество записанных мелодий 428, считая в том числе и инструментальные мотивы. Из них записано с форшлагами около 20 мелодий, с группетами—меньше. Встречаются мотивы с 11-12 тонным диапазоном, также и с искусственными полутонами, хроматизмом. Ритм в большинстве случаев цветистый, смешанный. Деление на такты не указано. Инструментальных мелодий, записанных со скрипки —15, с гуслей—8, с гармоники—7 и с голоса—4. Мотивы песен, по содержанию относящегося текста и по характеру, можно разбить таким образом: обрядовых около 50, свадебных—40, пирушечных—150, посиделочных и хороводных—150, детских—20, сказок, преданий и пр.—около 10. По сообщению собирателя, 90% песен записано в натуральной обстановке,

*) Т. П. Парамонов учился в Симбирской чувашской школе.

т. е. на пирушках, улахах, свадьбах и т. д. Рукопись Т. П. Парамонова как по содержанию, так и по количеству собранного музыкального и словесного материала, представляет безусловно огромнейший интерес для этнографа, фольклориста, музыканта.

10. Проф. **Н. В. Никольский.** «**Рукописное собрание чувашских народных песен**». Есть собиратели народных песен и есть организаторы этого собирания. Н. В. Никольский относится скорее всего к числу последних, и его заслуги перед наукой в этом отношении огромны. «Собрание песен» находится в 53 об'емистых томах Н. В. Никольского. Песни собирались с 1900 по 1917 г. Часть песен собиралась самим Н. В. Никольским, а часть—собственно, большая часть—его учениками, занимавшими разные должности среди чувашского населения в Поволжье, Покамье, Сибири и даже в Средней Азии. Главное внимание обращалось на собирание текстов песен, изредка производилась и запись мелодий. Всего записано, круглом счетом, около 30.000 куплетов, если считать по 4—6 стихов в каждом куплете*). Мелодий зарегистрировано около 200.

На взгляд—записи мелодий в большинстве случаев нельзя признать удовлетворительными. Впрочем, встречаются записи, которые по внешней форме не возбуждают сомнения в верности передачи мелодии. Таковы, например, записи Меценатова. После тщательного просмотра и проредактирования их можно было бы издать. В общем и целом, во всем «Собрании» записи пяти или шести собирателей заслуживают серьезного внимания и максимального доверия. Остальные записи неудовлетворительны.

«Собрание песен» Н. В. Никольского—это ценнейшая библиотека чувашской народной песни. Главная ценность этой библиотеки заключается не в количестве зарегистрированных песенных напевов. Здесь центр тяжести должен быть перенесен на словесный фольклорный материал. Этот материал собран здесь в огромном количестве; он незаменим для обрисовки чувашского национального быта, для характеристики духовного типа чувашина, его миросозерцания,

*) Могло, конечно, случиться и повторение некоторых куплетов в записях разных собирателей.

его переживаний в прошлом и настоящем. То, что, может быть, ускользнуло от лингвистики, от наблюдения разных исследователей и почему-либо не стало достоянием литературных памятников,—здесь дается во всей глубине и во всей непосредственности, свежести. Песни дают также огромный подлинный материал для изучения чувашской народной словесности, для чувашской грамматики (синтаксиса, морфологии, фонетики и мимологии).

Между прочим, в «Собрании песен» имеется запись одной чрезвычайно интерссной легенды о том, что будто бы чуваши научились музыкальному искусству от Киреметя. Оказывается, злому богу Киреметю, для того, чтобы прокормиться, не хватало всяких жертв, приносимых ему людьми. Чтобы окончательно не измориться с голоду, он решил придумать какое-нибудь занятие и научился от Эсрелли (духа смерти) музыке, сделав из нее выгодное для себя ремесло. Киреметь прельстил музыкой людей, и, таким образом, от него люди научились предаваться приятному услаждению музыкой. Другими словами, занятие музыкой или вообще всяким искусством, по смыслу легенды, чуть ли не есть дело, угодное греховному началу. Такой взгляд чувашина-язычника*) на занятие искусством вполне мог гармонировать с его аскетическим мировоззрением, сложившимся на почве лишений и превратностей его прошлой исторической судьбы.

11. Необходимо остановиться еще на работах **Г. И. Комиссарова** по собиранию чувашских народных песен. Песни записывались им в с. Богатыреве, Ядринского у., где,—начиная, примерно, с 1900 г.,—собрано 30 мелодий и 185 куплетов. К ним в 1919 году присоединены 99 куплетов рекрутских песен, записанных в с. Ямашах, Цивильского у. В период между 1920 и 1926 г.г. собрано еше около 1000 куплетов песен Уфимского края.

Песни в сборнике Г. И. Комиссарова подразделены таким образом:

1. «Ĕç-йуррисем» (песни труда). Сюда относятся: «ниме пуç йурри» (песня вожака на общественной помощи), «тăла пусакан йуррисем» песни пресовщиц сукна), «ларма йурри-

*) Легенда записана в 1912 г. в д. Старо-Семенчине, Бугульминского у., Самарской губ. «Собрание песен», т. 88, стр. 176.

сем» (песни прядильщиц на посиделках), «сăвай йурри» (песня при вколачивании свая), «сăпка йурри» (колыбельная).

2. «Утăм йуррисем» (песни-марши).

3. Песни обрядовые или праздничные. Сюда относятся праздничные песни-гимны: «сурхури» (святочные), «çăварни» (масленичные) и «çӳрен» или «сĕрен йурри» («сĕрен»—остаток языческого праздника, имевшего очистительное значение): «нартукан йуррисем» (надблюдные), «кĕреке-йурри» (застольная), «уйав йуррисем», превратившиеся теперь просто в «вăйă йуррисем» (игровые, хороводные), «хĕрсăри йуррисем» (песни на девичьих праздниках), «туй йуррисем» (свадебные), «хăна йуррисем» (гостевые), «ĕçкĕ-çикĕ йурриеем» (пирушечные).

4. «Ташă сăввисем» (плясовые частушки), выделившиеся из обрядовых.

5. «Такмаксем» (шутки, остроты, частушки и пр.).

6. «Салтак йуррисем» (рекрутские), «çĕнçĕр йуррисем» (песни переселенцев).

7. «Ыйткалакансен йуррисем» (песни нищих).

8. «Йатлă йурăсем» (чисто лирические песни, известные по именам исполнителей).

Приведенное подразделение песен, данное Г. И. Комиссаровым, представляет большой интерес, как один из опытов классификации чувашских народных песен по их видам и содержанию.

12. Совершенно нельзя умолчать о последней новинке **С. М. Максимова**—о новом его сборнике: «**Тури ђăваш йуррисем**» («Песни вир‘яльских*) чуваш»). Для собирания песен С. М. Максимов был специально командирован Обществом изучения Чувашского Края в Ядринский уезд. Командировка длилась с 17 декабря 1926 г. по 3 января 1927 г. За указанное время С. М. Максимов зарегистрировал от 51 исполнителя—125 песенных мотивов с текстами около 500 куплетов. Песни записывались в селениях: а) в с. Ораушах и Яха-Касах—Тойсинской вол.; б) в с. Альменеве—Асакасинской вол.; в) в с. Красно-Четаеве—Красночетавской вол.; г) в д. Синерь—Аликовской вол. и др.

Мотивы и тексты подразделяются таким образом: «ĕçкĕ йуррисем» (пирушечные песни)—всего 43, «салтак йуррисем»

*) Вир‘яльские—верховые, живущие в северо-западной части Чувашской Республики.

(рекрутские)—16, «улах йуррисем» (посиделочные)—9, «çăварни йуррисем» (масленичные) — 7, «туй йуррисем» (свадебные) — 21 и «тĕрлĕ йурăсем» (разные песни) — 24. Здесь интересно отметить одно обстоятельство, очень важное для характеристики музыкальности той или другой деревни, в которых записывались песни. Так, цикл песен, записанных в с. Альменеве, состоит из 24 мотивов. До этого же количества доходят и песни с. Красно-Четаева. В остальных селениях цикл суживается.

О собранных материалах С. М. Максимов, по прибытии из командировки, сделал сообщение в Обществе изучения Чувашского Края. Доклад сопровождался исполнением некоторых, наиболее оригинальных, песен. Особенно оригинальной и характерной следует признать записанную в дер. Алгозине, Норусовской вол. старинную песню - молитву «Ҫӳк», исполняемую на языческих общественных молениях. Обнаружение этого архаического обломка производит совершенно неожиданное впечатление. Казалось бы, самая память об этих молениях должна была исчезнуть до сего времени. Оказывается, где-то, в глухих уголках чувашской деревни, еще сохранились пережитки старинного прошлого. В песне «Ҫӳк» мы слышим потрясающую мелодию, полную удивительной силы чувства, и, вместе с тем, преисполненную фантастического величия и суровой отрешенности от личного, от человеческого—«я»... Невольно всплывают из мрака прошлого потускневшие образы далекой, давно забытой, седой, обомшелой старины...

Мотивы записаны С. М. Максимовым со свойственной ему фонографической точностью. В некоторых мотивах зафиксированы своеобразные полутоны, совершенно не укладывающиеся в рамки темперированного строя. Собирателем найдена известная закономерность в последовательности этих полутонов, в виду чего они едва ли могут быть отнесены к случайным явлениям. Ритм во многих мелодиях смешанный, цветистый. Отсюда, можно прийти к заключению, насколько большие успехи достигнуты в записях со времени издания первых «Образцов чувашских мотивов», в которых многие особенности в ритмике мелодий не зафиксированы. Все, что было сказано о значении сборника С. М. Максимова «Ҫăваш кĕввисем», относится и к настоящему его сборнику.

* * *

Здесь заканчивается вступительный очерк. В нем мы попытались дать краткий обзор существующей литературы, из которой можно почерпнуть те или другие сведения о чувашской музыке и музыкальном быте. Мы также рассмотрели источники, в которых собраны чувашские песни, мелодии, игры, шутки, прибаутки и т. п. Перед нами стояла задача—предварительно ознакомиться с тем, что имеется в этнографической литературе по интересующему нас вопросу. Необходимо было проследить, как развивалась литература чувашской музыкальной этнографии на протяжении XVIII—XIX и XX в. в. Но мы увидели, что здесь трудно установить какую-либо органическую связь в развитии этой науки, т. е. внутреннюю преемственность в истории этого развития. Эту связь легче находить в области общей этнографической литературы о чувашах. В ней, общей литературе, все же представляется довольно ясною картина, как в последние сорок или пятьдесят лет ученые Запада и России начинают интересоваться чувашским миром. Тут мы действительно имеем дело с своего рода научным движением, имеющим в своем развитии известную преемственность. Но в области интересующей нас литературы ничего подобного нет. Об‘ясняется это обстоятельство тем, что все эти книги написаны не специалистами в области музыки, а—в большинстве случаев—историками, этнографами или просто разными учеными или образованными людьми, которые, в силу специального характера своих сочинений, не могли уделить достаточного внимания вопросам музыкальной этнографии и писали о музыке чуваш недостаточно и большею частью случайно. Таким образом, следует признать, что область нашей литературы составляет лишь одну из немногих ветвей общей чувашеведческой литературы, и то лишь очень мало разработанную, которая пока едва ли претендует на самостоятельное развитие. Поэтому, рассмотренные выше источники мы поместили лишь в хронологическом порядке, разделив материал по эпохам, но не останавливаясь специально на вопросе о том, какова здесь внутренняя преемственность, или общая генетическая связь. Как-бы то ни было, приступая к своим исследованиям, автор настоящих строк полагал совершенно

необходимым установить для себя известный, определенный взгляд на существующую литературу, и сделать это хотя бы для того, чтобы легче ориентироваться в дальнейшем. При выполнении такой задачи главное внимание обращалось на то, в каком отношении рассматриваемое сочинеиие могло бы принести нам пользу при составлении наших очерков. Соответственно этому и мотивы оценки для каждого сочинения были свои, хотя **метод** оставался везде один и тот же. Мы все время стремились к одному: ознакомиться с данным сочинением и убедиться в его **этнографической верности**. Так, при обзоре сочинений Миллера, Фукс, Сбоева, Риттиха, Магнитского, Комиссарова и др. нами подчеркивалось значение личного изучения исследуемого народа, как непременного условия научного достоинства книги. Тот же самый принцип — важность этнографической верности — оставался неизменным и при обзоре записей мелодий в сборниках Мошкова, Яковлева, Пазухина, Максимова, Юренева и др. Здесь в качестве мерила научного достоинства записей указывались верность и фонографическая точность зафиксированных мелодий. И лишь после проверки таким путем всего имеющегося материала, нам казалось возможным приступить к изучению основных вопросов, излагаемых в наших очерках.

В заключение нужно сказать, что со многими, имеющимися в руках разных собирателей, сборниками мы не можем здесь ознакомить читателей. Во-первых, этих сборников у нас под руками не имеется. Во-вторых, собиратели за короткое время могут умножить число своих записей, так что сведения, которые мы могли бы дать об этих сборниках, были бы не полны к досадному чувству самих собирателей. Отсутствие отзывов о трудах многих собирателей, конечно, является пробелом, но, при всем желании, мы не имеем возможности устранить этот дефект. В последнее время собиранием чувашских песен усиленно занимаются: Об-во изучения Чувашского Края, Союз чувашских писателей и журналистов, об‘единенных вокруг журнала «Сунтал», секции этого Союза в городах: Москве, Казани, Ульяновске, Уфе и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-е.

Библиографический список.

А.—Книги, в которых можно найти данные о песенном и музыкальном творчестве чуваш.

XVIII и XIX в.в.

1) 1791 г.—**Г. Ф. Миллер.** «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то: черемис, чуваш и вотяков». СПБ.—Есть упоминание о музыкальных инструментах, употребляемых чувашами.

2) 1840 г.—**А. А. Фукс.** «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии». Казань.—Приведено 6 куплетов чувашских песен с переводом на русский язык.

3) 1852 г.—**С. М. Михайлов.** «О музыке чуваш». Казанские Губернские Ведомости, № 31.

4) 1852 г.—**С. М. Михайлов.** «Чувашские свадьбы». Каз. Губ. Ведом., №№ 42, 43, 46—49.

5) 1853 г.—**С. М. Михайлов.** «Чувашские песни и пословицы». Каз. Губ. Вед., № 24, 25 и 27.

6) 1853 г.—**С. М. Михайлов.** «Чувашские разговоры и сказки». Каз. Губ. Вед., №№ 33—37.

7) 1856 г.—**В. А. Сбоев.** «Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о Чувашах». Казань.—Приведено 8 песен на чувашском языке с переводом на русский язык.

8) 1857 г.—Ahlquist, Aug. Aus einem Briefe des Candidaten an A. Schiefner Mélagnes russes. III, 3.—На стр. 266—285 приведены краткие заметки о поэзии и песнях чуваш.

9) 1861 г.—**Лаптев.** «Казанская губерния». СПБ.—На стр. 247—249 приведено несколько чувашских песен в русском переводе.

10) 1870 г.—**А. Ф. Риттих.** «Материалы для этнографии России. Казанская губерния». Казань. Приведены чувашские песни с переводом на русский язык. Есть и мелодии.

11) 1871 г.—**Н. И. Золотницкий.** «Заметки для ознакомления с чувашским наречием». Казань.—Приведено 7 песен Чебоксарского уезда.

12) 1875 г.—**Н. И. Золотницкий**. «Корневой Чувашско-Русский словарь». Казань.—В книге есть примеры из чувашских песен.

13) 1877 г.—**Н. М. Мальхов.** «Симбирские чуваши и их поэзия». Казань.—Приведено несколько чувашских песен.

14) 1877 г.—Труды IV Археологического С'езда, т. II, отд. VII, стр. 255.—«Песни и музыка у чуваш, употребляемые при обряде «кража земли». Составл. Н. И. Золотницким по В. К. Магнитскому.

15) 1881 г.—**В. К. Магнитский.** «Материалы к об'яснению старой чувашской веры». Казань.—Приведено несколько примеров чувашских песен. Есть краткие заметки о музыкальном быте чуваш.

16) 1888 г.—**А. Охотников.** «Записки чувашина о своем воспитании». Казань.—Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии, том XXXI.—Есть заметки о музыкальном быте.

17) 1891 г.—**В. И. Михайлов.** «Обряды и обычаи у чуваш». СПБ. Записки Русского Географического Общества по отделению Этнографии, том XVII, в II.—Есть одна историческая песня.

18) 1892 г.—**Н. И. Ашмарин**. «Очерк народной поэзии у чуваш». Этнографическое Обозрение, № 2—3.

19) 1893 г.—**В. А. Мошков.** «Музыка чувашских песен». Казань. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн., т. XI, в. 1, 2, 3, 4.—Небольшая монография о чувашской музыке.

20) 1895 г.—**И. Н. Юркин**. «Чувашские песни». Казань. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн., т. XIII.

21) 1897 г.—**И. Н. Юркин**. «Чувашские национальные пляски». Казань. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн., т. XIV, в. I, (стр. 97—100).

XX век.

22) 1900 г.—**Г. Т. Тимофеев.**—«Тăхăр йал». «Сĕве таврашĕнҫи ҫăвашсем». (Девять деревень. Чуваши, живущие в бассейне р. Свияги). Рукопись. Книга написана на чувашском языке.—Есть характеристика музыкального быта у чуваш.

23) 1901 г.—**В. Н. Майнов**. «Инородцы Среднего Поволжья». Живописная Россия, т. VIII, в. I. Очерк III.—Описание музыкального быта.

24) 1903 г.—**Н. И. Ашмарин**. «Опыт исследования чувашского синтаксиса». Казань.—Примеры из чувашских песен.

25) 1903 г.—**К. П. Прокопьев**. «Брак у чуваш». Казань. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн., т. XIX, в. I.—Есть небольшие характеристики музыкального быта у чуваш.

26) 1904 г.—**Ф. Н. Никифоров**. «Стюхинские чуваши». Казань. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн., т. XX.—Местами есть характеристики музыкального быта у чуваш.

27) 1907 г.—**И. Д. Никитин-Юрки.** «Пузырь». Казань. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн., т. XXII.—Описание «пузыря».

28) 1909 г.—«Циркуляры по Казанскому учебному округу». Январь.—Есть заметка о выступлении хора учеников Симбирской чувашской учительской школы на собрании Симбирского Археологического Общества.

29) 1911 г.—**Г. И. Комиссаров**. «Чуваши Казанского Заволжья». Казань. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн., т. XXVII.—Есть характеристика музыкального быта у чуваш и краткий обзор чувашских песен по их видам и содержанию.

30) 1913 г.—**Н. А. Спасский**. «Очерки по родиноведению. Казанская губерния». Казань.—Есть краткая характеристика чуваш со стороны их музыкальных способностей.

31) 1918 г.—**Г. И. Комиссаров**. «Ђăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши». Уфа.—Есть краткие замечания о чувашской музыке.

32) 1920 г.—**Н. В. Никольский**. «Конспект по истории народной музыки народностей Поволжья». Казань.—Краткая характеристика чувашского песенного творчества.

33) 1921 г.—**Н. И. Ашмарин**. «Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш». Казань.—В приложении к этой книге указывается, что у автора имеется тетрадь воспитанника Симбирской чувашской учительской школы Никифора Павлова, который собрал 18 песен.

34) 1922 г.—**Ф. П. Павлов**. «Ђăваш мусăкĕ çинђен çырна кĕнекесем». Библиография о чувашской музыке. Чебоксары. Газета «Канаш», №№ 130 и 151.

35) 1922 г.—**Г. И. Комиссаров**. «Ђăваш мусăкĕ çинђен çырнă кĕнекесем». Чебоксары. Газ. «Канаш», № 147.

36) 1923 г.—**Ф. П. Павлов.** «Ђăваш мусăкĕ». (Чувашская музыка). Чебоксары.—Небольшая монография о чувашской музыке. помещенная в Чувашском календаре на 1923 год.

37) 1923 г.—**Ф. П. Павлов.** «Речитативы в чувашской народной песне». Чебоксары. Журнал «Красное жало».

38) 1923 г.—**А. П. Милли**. «Материалы для истории, этнографии и словесности чуваш». Рукопись на чувашском языке.—Дана общая характеристика чувашским мотивам.

39) **Ф. П. Павлов**. «Ђăваш хорĕ Мускавра йалхуçайстви выстăвкинђе». Описание экскурсии чувашского хора на Всесоюзную с/хозяйственную и кустарно-промышленную выставку. Журнал «Голос трудящихся».

40) 1926 г.—**С. Н. Юренев**. «Чувашские народные песни». Музыкально-этнографический сборник. Музыкальная часть под ред. Я. В. Прохорова. (Рукопись).

41) **Ф. П. Павлов**. «Хитре». Красота. (Понятие чуваш о красоте, по чувашским народным песням). Газ. «Канаш» и жур. «Голос трудящихся», № 6. Москва, 1923 года. Тоже на русском яз. в «Отчетах О-ва изучения Чувашск. Края» за 1923 г.

42) Газета «**Смычка**» №... Орган Всесоюзной Сельскохозяйственной и Кустарно-промышленной выставки.—Есть заметка о выступлении чувашского хора.

43) **С. М. Максимов.** «Ђăваш йурри» («Чувашская песня»). Чебоксары. Журн. «Сунтал», № 2 (32)—1927 г.—Статья о том, когда, где и какие песни поются у чуваш.

Б.—Сборники и книги, в которых есть тексты и мотивы чувашских народных песен.

XIX век.

1) 1856 г.—**В. А. Сбоев**. «Исследования об инородцах Казанской губернии. Чуваши».—Приведено 8 песен, переведенных на русский язык параллельно с чувашским текстом.

2) 1880—1882 г. Изв. О-ва Арх. Ист. Этн., т. III. Казань, 1884.—Есть одна чувашская песня под названием «Чувашская невеста» с переводом на русский язык.

3) 1888 г.—**Н. Ефимов**. «Чувашские песни с переводом их на русский язык. Их напевы или мелодии на нотах».

Неизданная рукопись, хранится в архиве О-ва А. И. Э. при Каз. Универс. В сборнике 37 песенных мелодий и 3 музыкальных мотива. Сборник снабжен интересным с научно-этнографической точки зрения введением.

4) 1893 г.—**В. А. Мошков**. «Мелодии чувашских песен». Вышеприведенная книга.—Всего 75 мотивов.

XX век.

5) 1900 г.—**П. Никитина**. «Сборник песен, употребляемых простонародьем». Казань.—Приведено 14 чувашских песен, переведенных на русский язык.

6) 1900 г.—**Н. И. Ашмарин**. «Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской». Казань. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн., т. XVI.—Всего 198 песен.

7) 1900 г.—**Г. Т. Тимофеев**. «Тăхăр йал». Вышеприведенная книга.—Приведен один мотив. Куплетов собрано много.

8) 1902 г.—**Н. И. Ашмарин**. «Болгары и чуваши». Есть примеры из чувашских песен.

9) 1903 г.—**К. П. Прокопьев**. «Брак у чуваш». Вышеприведенная книга.—Записано 82 куплета из песен подружек.

10) 1907 г.—**И. Д. Никитин-Юрки**. «Песни чуваш Ядринского уезда». Казань. Изв. Общ. Арх. Ист. Этн., т. XXIV.—Всего 42 куплета, 3 мотива.

11) 1908 г.—**И. Я. Яковлев**. «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним». Симбирск.—Всего 98 мотивов, около 850 куплетов и песен.

12) 1909 г.—**П. В-ев**. «Ҫăваш йуррисем, халапсем»... Казань.—Записано 20 куплетов.

13) 1911 г.—**И. Е. Ефимов**. «Тавăт, Мĕлĕш, Шураç йуррисем». Песни деревень Таутовой, Ходяковой и Шерашевой. Казань.—Небольшой сборник чувашских песен. 10 стр.

14) 1912 г.—**П. В. Пазухин**. «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним». Часть 2. Симбирск.—Всего 98 мотивов, около 650 куплетов.

15) 1919 г.—**Т. С. Малышев**. «Ҫăваш йуррисем». Чувашские песни. Рукопись.—Всего около 30 мелодий с текстами.

16) 1920 г.—**А. И. Иванычев**. «Ҫăваш Улхаш йуррисем». Рукопись.—Собрано 14 мотивов; куплетов более 100.

17) 1921 г.—**Ф. П. Павлов**. «Аҫа-пăҫа сасси». Детские игры и песни». Чебоксары.—Всего 21 песня.

18) **Ф. П. Павлов**. «Йалта» («В деревне»). Драма из деревенской жизни на чув. яз. Есть куплеты и мотивы.

19) Журнал «**Атăл йурри**», № 1 и № 2. Симбирск. Изд. Чувашской секции Симбирского губ. отд. нар. обр.—Пирушечные песни и детские речитативы.

20) **Г. Г. Лисков**. «Чувашские инструментальные мелодии». Рукопись.—Чувашские танцевальные мотивы для скрипки.

21) **С М. Максимов**. «Ҫăваш кĕввисем». Чувашские песни. Часть 1-я. Вышеприведенный сборник.

22) **С. М. Максимов**. «Ҫăваш кĕввисем». Чувашские песни. Часть 2-я Вышеприведенная книга.

23) **С. М. Максимов**. «Образцы чувашских народных танцев». Рукопись.—Чувашские танцы для скрипки. Всего около 50 мелодий.

24) **Г. И. Комиссаров**. «Ĕпхӳ кĕпĕрнери ҫăваш йуррисем». Песни чуваш Уфимской губернии. Рукопись.

25) **Ф. П. Павлов**. «Ҫăваш йуррисем». Рукопись.—Собрано мотивов около 170, куплетов и песен около 1700.

26) **А. П. Милли**. «Материалы для истории, этнографии и словесности чуваш». Вышеприведенная рукопись. Записано всего 100 мотивов с текстами на определенные сюжеты и без мотивов около 1520 куплетов и песен.

27) **К. М. Никишев**. «Ҫăваш йуррисем». Рукопись.—Собрано 77 мотивов с текстами.

28) **П. М. Михайлов**. «Чувашские песни, записанные в д. Завражной, Тогашевской волости, Чебоксарского уезда». Рукопись.—Всего около 150 куплетов и 14 мотивов.

29) **Н. В. Васильев-Шупуҫҫынни**. «Чувашские песни, записанные в дер. Ново-Аксубаеве, Чистопольского уезда». Рукопись.—Записано около 70 куплетов без мотивов.

30) **Ив. Н. Юркин**. Собрание чувашских народных песен низового края, доставленное Этнографическому Отделению Академии Наук. Рукопись.

31) **Ф. П. Павлов**. «Сăрнай». Хитрелетнĕ ҫăваш йуррисем.—Сборник гармонизированных чувашских народных песен. Шупашкар, 1924.—Всего 68 номеров.

Чувашский Национальный хор, выступавший в Москве на Всесоюзной Сельско-Хозяйственной и Кустарно-Промышленной Выставке с 15 августа по 1 октября 1923 г.

32) **Т. П. Парамонов**. «Сборник мотивов чувашских песен и тексты к ним». Вышеуказанная книга.

33) Проф. **Н. В. Никольский**. «Рукописное собрание чувашских народных песен». Вышеуказанная рукопись.

34) **С. М. Максимов**. «Тури ҫăваш йуррисем». Вышеуказанная рукопись.

35) **В. П. Воробьев.** «40 чувашских песен». Рукопись.— Мелодии с текстами.

36) **М. И. Ильин-Бармин.** «100 чувашских песен».—Мелодии с текстами.

37) В газ. «**Канаш**», «**Ҫамрăк Хресҫен**», журналах: «**Сунтал**» и «**Капкан**» много печатается текстов чувашских песен, а в журн. «Сунтал» и мелодии.

Кроме перечисленных, еще много и других собирателей, у которых на руках находятся сборники чувашских песен. Наиболее много сосредоточено их в руках проф. Н. И. Ашмарина, Г. И. Комиссарова, Р. Н. Идобаева, Г. Г. Лискова, Т. М. Матвеева, М. П. Петрова, И. Н. Юркина и других.

В настоящее время собирают чувашские песни учащиеся Чебоксарской чувашской музыкальной школы, Чебоксарского рабфака, студенты Симбирского чувашского института, учащиеся Чебоксарского, Уральского, Канашского и Красночетаевского педтехникумов и многие школьные работники школ втор. и перв. ст. ст. и учащиеся названных школ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-е.

Фото-клише чувашского хора.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	**Напечатано:**	**Следует:**
13	12 снизу	сочинение.	сочинение
16	4 сверху	заволжью	Заволжью
20	17 "	едвали	едва ли
26	4 снизу	Глава VI-я.	Глава II-я.
32	7 "	нарождающейся	нарождающейся,
49	7 "	недоступ	недоступ-
51	14 "	четырех-голосных	четырехголосных
51	2 "	Парамонов	Парамонов,
52	8 "	скрипки	скрипки,
54	3 "	пресовщиц	прессовщиц
62	25 сверху	том,	том, —

НА СКЛАДЕ

ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОГО КРАЯ

имеются в продаже:

1. Отчеты Общества за 1921—1923 г.г.
2. Тоже 1924—1926 г.г.
3. **С. А. Коричев.** Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья.
4. **М. П. Петров.** О происхождении чуваш.
5. Академик **Н. Я. Марр.** Чуваши-яфетиды на Волге.
6. **Н. П. Поппе.** Чуваши и их соседи.

Кроме того, печатаются:

1. Проф. **В. Ф. Смолин.** Абашевский могильник.
2. **Его же.** В глубь веков Чувашского Края.